

НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ

Отходничество как новый фактор общественной жизни

Ю.М. ПЛЮСНИН*, А.А. ПОЗАНЕНКО**, Н.Н. ЖИДКЕВИЧ***

***Плюснин Юрий Михайлович** – профессор, кафедра местного самоуправления, НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: jplusnin@hse.ru

****Позаненко Артемий Алексеевич** – аналитик, Проектно-учебная лаборатория муниципального управления, НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: arpozanen@mail.ru

*****Жидкевич Наталья Николаевна** – аналитик, Проектно-учебная лаборатория муниципального управления, НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: natalia.zhidkevich@gmail.com

Цитирование: Plusnin Ju., Pozanenko A., Zhidkevich N. (2015) Seasonal Work (Otkhodnichestvo) as a New Social Phenomenon in Modern Russia. *Mir Rossii*, vol. 24, no 1, pp. 35–71 (in Russian)

В статье на основе эмпирических исследований феномена современного российского отходничества как особого вида трудовой миграции населения – инициативной внутренней возвратной (сезонной) миграции жителей малых городов и сел в столицы и центры промышленного развития – анализируются образ жизни и социально-экономический статус российских отходников. Приводятся оценки масштабов отходничества, описываются тенденции его развития. В настоящее время в России насчитывается не менее 15–20 млн человек отходников: по крайней мере, треть всех семей в провинции живет за счет отхожих промыслов, т.е. вида экономической активности, почти не учитываемой официальной статистикой. В советские годы отходничество было незначительно по своим масштабам (вербованные, шабашники, артельщики). Однако, возобновившись в середине 1990-х гг. и получив широкое распространение в малых городах европейской части страны, оно захватило и сельскую местность и теперь распространилось на всю территорию страны. Виды отхожей деятельности широко (не менее чем в половине случаев) представлены как «теневым» малым предпринимательством (преимущественно в северных регионах), повсеместно суще-

ственно разросшимся «дальнобойным промыслом», так и «теневым» же наемным трудом в сфере услуг (преимущественно отходники центральных и южных регионов).

Современное отходничество рассматривается не только как новый массовый способ жизнеобеспечения, как новый образ жизни значительной части провинциального населения России, но и как новое социально-политическое явление. В этой связи обсуждаются возможные социальные и политические последствия отходничества. В силу того, что многие отходники включены в «теневой» сегмент экономики, вынуждены вести «распределенный» образ жизни, они фактически находятся вне публичной жизни, но в то же время являются в большинстве своем активной частью местного общества, они меняют характер отношений как в приватной сфере, в семье, с близкими, родственниками и соседями, так и в публичной – с местными общественными институтами, с государством. Отходники привносят как новые для местного общества культурные стереотипы (являясь современными «культуртрегерами»), так и формируют основу для новых политических отношений на местном уровне.

Ключевые слова: трудовая миграция, отходничество, внутренние трудовые мигранты, отходники, способы (модели) жизнеобеспечения, «распределенный» образ жизни, «теневая» экономика, политическая активность, провинциальное общество

Введение

В одной из дискуссий, возникшей по случаю публикации нашей монографии «Отходники», посвященной проблеме современного отходничества [Плуснин, Засуева, Жидкевич, Позаненко 2013], профессор А.Ю. Чепуренко высказал предположение, что зафиксированное им и коллегами сокращение масштабов нового предпринимательства в последнее десятилетие [Чепуренко 2008; Chepurenko 2010; Cheripenko 2014; Алимова, Ченина, Чепуренко 2011] вызвано во многом тем, что потенциальные предприниматели идут в отходники, по сути, занимаясь той же деятельностью, которую бы они осуществляли, регистрируясь в качестве новых индивидуальных предпринимателей, но теперь оставаясь в «тени», без регистрации и не платя налогов. Обсуждение этого вопроса вывело нас на рассмотрение последствий дальнейшего развития такого процесса – экономических, социальных и политических. Возникла идея описать возможные результаты, привлекая имеющийся у нас эмпирический материал для его анализа в новом ракурсе.

Современное отходничество – это не только особый вид трудовой миграции населения и особая модель экономического поведения. Это и новый образ жизни отходников – «распределенный», – а вместе с ним и новый социальный статус их семей в местном обществе, а также и иной, изменившийся политический статус этих людей. К каким последствиям во всех этих сферах жизни общества может привести развитие отходничества, учитывая предполагаемые масштабы? Первый очевидный эффект связывается с происходящими масштабными изменениями в характере экономического поведения и экономических отношений как результате неформальной занятости такого вида трудовой миграции [Малева 1998; Шанин 1999; Барсукова 2000; Барсукова 2003; Барсукова 2004; Синявская 2005; Нестандартная занятость 2006; Барсукова, Радаев 2012; В тени регулирования 2014]. Другое, не столь очевидное следствие – со страхами появления нового «мяса рево-

люции», подобно тому, как это случилось в годы русских революций 1905–1922¹. Но надо думать и о таких последствиях, как вынужденный маргинальный статус таких людей в системе формальных отношений в местном обществе и в местной политике, – явление для исследователей малоприметное, но с отдаленными кумулятивными результатами, особенно учитывая масштабы отходничества и потенциал этих людей как новых «культуртрегеров» для своих местных обществ.

Как может изменить уже в ближайшие годы нашу экономическую, общественную и политическую жизнь отходничество? Сформулировав такую задачу (впрочем, едва ли разрешимую логическими средствами), мы решили предпослать даже не решению, а всего лишь обсуждению несколько ее вопросов, ответы на которые у нас, как нам кажется, есть, но которые требуется рассмотреть под несколько иным углом зрения, чем это мы сделали в нашей монографии. Отходники – кто они? Откуда они? Чем они заняты? Сколько их? Какое место занимают они в обществе? Мы, однако, не уверены, что ответив на эти вопросы, мы сможем достоверно обосновать и те предположения, которые рассматриваем как следствия развития современного отходничества.

Основой работы явились материалы эмпирических исследований отходничества, которые продолжались достаточно длительное время с середины 2000-х гг., а целенаправленно – в 2010–2014 гг., будучи финансово поддержаны грантами нескольких фондов (благотворительная поддержка Фонда «Хамовники» и гранты НИУ ВШЭ и РГНФ). Обоснование методологии и методов исследования достаточно подробно изложено в отдельной главе монографии, там же описан и основной эмпирический материал [Плюснин, Заусаева, Жидкевич, Позаненко 2013, с. 40–58]. В этой работе мы привлекаем и материалы последующих наших инициативных социологических исследований отходников, выполненных также при поддержке фонда «Хамовники» [Жидкевич 2013; Жидкевич 2014]. Приводимые в статье результаты основываются на непосредственных наблюдениях в нескольких десятках малых городов, поселках и селах и на интервью с почти 800 респондентами, среди которых, помимо самих отходников, имеются также члены их семей, родственники, соседи и знакомые.

Отходничество как особый вид трудовой миграции

Отходники, по нашему определению, – это современные российские внутренние возвратные трудовые мигранты из малых городов и сельской местности в промышленно развитые регионы, региональные столицы, Москву и Подмоскowie [Плюснин, Заусаева, Жидкевич, Позаненко 2013, с. 14–26]. В этом определении отходничества приведены все внешние признаки, отличающие его от других видов трудовой миграции: это временный и сезонный (как правило, для строителей и отъезжающих на вахты в Сибирь и «на севера», для некоторых видов услуг и пока еще нечастого земледельческого отхода) характер миграции; возвратность ее, т.е. наличие постоянного места жительства, куда работник всегда возвращается; направление отхода – из «глубокой провинции» в промышленно развитые

¹ См. материалы презентации монографии «Отходники» // <http://khamovniki.ru/projects/otkhodniki-v-malykh-gorodakh-rossii.html>, а также: [Суханов 1913; Волин 2005; Федоров 2010].

регионы страны, прежде всего в столицы. Но имеются и более важные внутренние признаки, атрибуты отходничества: причины и мотивы отхода и отхожей трудовой деятельности. Первоначально – это необходимость денежного заработка при отсутствии его источников на месте; позже, наряду с этим, но уже по преимуществу – потребность в повышении благосостояния семьи в сравнении с семьями соседей. Наконец, последний и важнейший, по нашему мнению, признак – это инициативный и самостоятельный характер такой трудовой миграции.

Таким образом, среди разных видов и форм трудовой миграции мы можем зафиксировать некоторую совокупность признаков, которыми определяется особый вид трудовой миграции – отходничество. Народный термин «отходничество» очень точно фиксирует суть этого вида трудовой миграции – ее обязательно возвратный характер. Тем более что прежде, чем на них обратили внимание ученые, эти люди называли себя так сами².

Можно ли говорить, что и нынешние формы миграции аналогичны старому отходничеству или едва лишь похожи на него? С нашей точки зрения (впрочем, по ряду позиций согласной и с точкой зрения некоторых других исследователей, см., напр.: [Шабанова (2) 1992; Смулова 2008; Дятлов 2010; Бараненкова 2012], среди наблюдаемых ныне форм трудовой миграции в России отходничество выглядит как близкое или даже аналогичное старому отходничеству, исчезнувшему в 30-е гг. XX в.

По важнейшим признакам отходничество, как российская внутренняя трудовая миграция, мало отличимо и от сезонной (годовой) трудовой миграции на «постсоветском пространстве» в Россию из таких новейших государств, как Украина, Белоруссия, Молдавия, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан. Да и по природе своей эти, ныне трансграничные, а по сути внутривосточные (в пределах не государства, а страны – Большой России³) трудовые миграции родственны. Может быть, поэтому в отхожие промыслы в настоящее время вовлечено не только население областей традиционного «старого отходничества», но почти всех постсоветских республик, и дальневосточных, и сибирских территорий России, чего ранее не бывало.

Отходничество существовало в России долгие годы, возможно, три-четыре века, и в конце XIX – начале XX вв. приняло гигантские масштабы⁴. Феномен исторического отходничества и виды отхожих промыслов исчерпывающе определены в целом ряде экономических, исторических и историко-социологических публикаций как исследователей XIX в., так и современных⁵. В советское время отходничество исчезает в начале 1930-х гг., и это отражается в краткости упоминаний уже выходящего из употребления термина и самого феномена из общественной памяти [Андрюшин 2012, с. 213]. В последние советские десятилетия отходничество стало возрождаться в формах «вербованных» и «шабашников» (как

² Об этом свидетельствуют наши наблюдения отходников в Чухломе и Кологриве в Костромской области.

³ О том, почему в России отождествляют страну (общество) и государство, см. статью С.Г. Кордонского в этом же журнале [Кордонский 2008]; между тем напомним известную старую, но теперь забытую поговорку: «царства приходят и уходят, а земля (общество) остается».

⁴ Среди многочисленных тогда исследований отходничества следует обратить внимание на: [Весин 1886–1887; Езерский 1894; Карышев 1896; Подсобные к земледелию отхожие промыслы 1903; Гиндин 1925; Минц 1926; Минц 1927; Владимирский 1927].

⁵ См., напр.: [Ленский 1877; Весин 1887; Карышев 1892; Данилов 1974; Буркин 1978; Тихонов 1978; Курцев 1982; Смулова 2003; Смулова 2008; Водарский, Истомина 2004; Перепелицын 2005; БСЭ: Отходничество // <http://bse.sci-lib.com/article085855.html>].

правило, в строительстве) и артельных промыслов в промышленности. В годы же «экономического беспорядка» 1990-х стали развиваться и новые формы трудовой миграции, в том числе и возрождение отхожих промыслов [Шабанова (1) 1992; Плюснин 1997; Плюснин 1999]. Произошла реновация отходничества как одной из самых эффективных, а теперь уже и самой массовой модели жизнеобеспечения людей. А условием такого массового возрождения отходничества выступила иная, чем прежде, форма «закрепощения» населения – теперь это «квартирная крепость», отсутствие массового арендного жилья и доступной ипотеки, препятствующие смене места жительства семьям. Считаем, что эта форма «крепости» немало влияет на характер современного отходничества, хотя это надо рассматривать как фактор внешний и в известной степени второстепенный (см. ниже).

Рассмотрим подробнее отличительные признаки отходничества, которые в совокупности и позволяют нам считать его особым видом трудовой миграции. Нынешние трудовые мигранты, называющие себя отходниками, являются в подавляющем большинстве жителями малых городов и сел, а, по сути, сельскими жителями, поскольку значительная часть таких городов в России являются фактически сельскими поселениями с соответствующей организацией жизни и хозяйства [Трейвиш 2009; Нефедова, Трейвиш 2010; Нефедова 2012; Ланно 2012]. Большинство семей таких людей имеют развитое личное подсобное хозяйство, многие из них проживают в частном доме с усадьбой. Эти люди, как правило, в местах своего постоянного проживания имеют доход, недостаточный для достойного (иногда и нормального) жизнеобеспечения семьи. Немалая часть семей проживают в так называемых «выморочных» поселениях (по терминологии С.Г. Кордонского [Кордонский 2010]), где отсутствуют не только рабочие места, но и, по сути, некому предложить продукты своего труда. Такие селитебные характеристики, определенно, роднят современных трудовых мигрантов с крестьянами многих нечерноземных и северных губерний имперской России, занятых в неземледельческих отхожих промыслах [Качоровский 1900; Владимирский 1927; Burds 1998; Водарский, Истомина 2004; Давыдов 2010; Давыдов 2012]. И исторические, и современные отходники – это почти исключительно жители сел и малых городов в «глубокой» провинции.

Помимо этого важного территориального признака отходничества, имеется связанный с ним существенный мотивационный признак. Как прежние, так и современные отходники, возможно, и по разным причинам, но не намерены навсегда покидать места своего постоянного проживания ради новой работы, перебираться для жизни в города.⁶ Даже если многие члены семьи отходника переезжали к нему и практически постоянно проживали в городе, их жены, а также старшие и самые младшие члены семьи продолжали жить в деревне и вести там хозяйство. Семейные связи сохранялись не потому, что в деревню регулярно посылались деньги, а потому, что отходники обязательно приезжали на побывку, обязательно принимали участие в домашних хозяйственных и полевых работах. Они чаще всего сохраняли за собой и земельный надел (о чем свидетельствуют и земельные переделы начала XX в. и потеря столичными городами в 20-е годы почти половины своего

⁶ Ситуация с массовыми переселениями крестьян, бывших отходников, в города в начале XX в., а затем, после «отлива» начиная с 1926–1929 гг. и вплоть до начала 1930-х гг., вызвана была политическими причинами и превращение в эти периоды отходников-крестьян, в массе своей имевших до коллективизации землю в деревне, в новых горожан надо рассматривать именно в этом ключе [Андрюшин 2012; Давыдов 2012].

населения; см.: Андрюшин, 2013). Не следует забывать и о таком важном факте, что в семьях отходников постоянно рождались дети, и немало⁷.

Исходные причины нежелания переезда в город могут быть разные, и самую главную выделить едва ли получится, тем более что прежние исследователи это обстоятельство совершенно упускали из виду; и мы реконструируем мотивацию деревенского обитания отходников почти исключительно по наблюдениям современников, крестьянским письмам, крестьянским повестям и мемуарам потомков отходников [Максимов 1901; Зиновьев 1999; Флеров 2008]. Семьи и нынешних отходников, как и они сами, не собираются уезжать из деревень и малых городов в большие города. Причины отказа от переезда разные (есть, конечно, и очевидная, как дороговизна покупки жилья в крупном городе), но повсюду они сопровождаются психологическим нежеланием менять среду обитания, терять тот статус и те возможности – привилегии «своего» и преференции «местного», – которые предоставляет своему члену любое местное общество. Фактор нежелания или невозможности покинуть место проживания ради работы является важнейшим условием перехода человека в статус отходника, и этим он отличается от классического гастарбайтера, как человека, поменявшего место постоянного жительства ради потенциально лучших возможностей для работы и жизни⁸.

Поиск работы заставляет этих людей ехать в крупные города, в областные столицы, «на севера», в Сибирь. Там они и находят достаточно средств для обеспечения жизни семьи. Но наличие семьи и хозяйства в другом месте определяет характер найденной работы – сезонной и/или вахтовой. Временный, сезонный характер отъезда определяется обязательным возвратом работника домой. Люди регулярно и нередко с определенной периодичностью возвращаются после работы домой для отдыха и ведения домашнего хозяйства. В зависимости от расстояния до места работы возвращение домой может быть еженедельным, на выходные, или ежемесячным с двухнедельным интервалом на отдых (так заняты почти все отходники-охранники, работающие посменно с двухнедельным интервалом). Между тем рабочий ритм отходника очень разный. Требования работы нередко заставляют находиться в отходе по одному-двум месяцам с краткими возвращениями домой (многие строители, особенно отходники-срубщики, работающие сдельно, аккордно). Нанимающиеся на работы в большом удалении от дома могут возвращаться через полгода или даже раз в один-два года; такие трудовые мигранты являются в каком-то смысле маргинальной группой среди отходников, поскольку им уже не свойственен сезонный характер работы, ее периодичность близка или превышает годовую, и обычно такие люди через какое-то время перестают ездить либо домой, либо на работу⁹. Сезонный характер работы, особенно у тех, кто предлагает на рынке не руки, а продукты своего труда – летом или зимой – дополняется подстраиванием рабочего ритма под важные и неотложные домашние дела, прежде

⁷ См., напр., описание типичной отходнической семьи известного философа А.А. Зиновьева, приведенное им в автобиографической повести [Зиновьев 1999].

⁸ Стоило бы различать классического гастарбайтера, как человека, приехавшего в чужую страну на работу и постоянное место жительства, и «гастарбайтера» из бывших союзных республик, который оставил дома семью и приехал в бывшую метрополию хотя и на годы, но все же временно.

⁹ Между прочим, такой ритм характерен и для женщин-отходниц, нанимающихся в услужение (в качестве домработниц, нянь, уборщиц, медсестер, продавцов и т.п.), т.к. их работа не предполагает ни сезонности, ни периодичности; и все же они отходницы, поскольку оставили дом и хозяйство на других членов семьи и знают, что обязательно вернутся домой.

всего под время посадки и уборки картофеля, реже – другие сельскохозяйственные работы. Несмотря на то, что семьи отходников, в сравнении с соседями-неотходниками, не имеют большого хозяйства (а некоторые в последние годы и вообще никакого), многие из них продолжают держать огород и картофельное поле, а деревенские отходники еще и активно участвуют в таких работах в качестве помощников близким родственникам, родителям. Естественно, что теперь значительная часть отходников работает уже не сезонно, но периодически. Так, например, если раньше извоз являлся преимущественно зимней деятельностью (поскольку хороши и удобны были только зимние санные и ледовые дороги), то теперь дальнобойщики отправляются в извоз круглый год. Современные отходники больше связаны даже не сезонностью работ в отходе, а сезонностью домашних хозяйственных дел. Поэтому, как и в прежние годы, они подстраивают свой трудовой ритм под задачи непосредственного жизнеобеспечения семьи – теми продуктами, которые можно произвести на месте, дома. Это звучит странно, но, кажется, что провинциальные российские жители все еще тщательно сохраняют архаическую модель жизнеобеспечения, сильно вырвавшую их в кризисные 1990-е гг. [Plyusnin 2001].

Также отличительным признаком отходничества являлся (и является в настоящее время) его наемный и промышленный характер: получение дополнительного заработка на стороне обеспечивалось путем промыслов – изготовления и продажи продукции разнообразных ремесел, от валяния валенок и шитья шуб до сплава леса и изготовления срубов домов, а также наймом на разнообразные работы в городах (сторожа и дворники, домашняя прислуга) или в богатых промышленных и южных сельскохозяйственных районах (бурлаки, грузчики, поденщики и проч.). Нынешние отходники также нередко являются производителями продукции (тех же срубов домов и дач – это приняло в городе значительные масштабы) или услуг (извоз, в т.ч. таксисты и дальнобойщики на собственных или наемных транспортных средствах), непосредственно предлагающие их на рынке. Но сейчас существенно больше, чем раньше, среди отходников работников наемных, часто выполняющих неквалифицированные виды работ в многократно расширившейся сфере слуг (охранники, вахтеры, сторожа, дворники, уборщики и т.п.). И именно в эту сферу двинулись и отходники-женщины, совершенно подобно тому, что наблюдалось в социальном и демографическом составе отходничества промышленных районов Российской империи к последней четверти XIX в. [Кириллов 1899; Никулин 2010; Александров 2012].

Дифференцирующим признаком, определяющим потенциальную возможность для человека стать или не стать отходником, является его инициативный и самостоятельный характер. Каждый человек, в прежние годы «выправив паспорт» или «получив билет» [Ведомость 1881–1887], а в настоящее время найдя с помощью родни и друзей прибыльное место и без всякого «выправления паспортов», покидает место проживания на срок от одной–двух недель до года и предлагает услуги на рынке сообразно своим профессиональным умениям, нанимаясь на работы или предлагая продукцию своих промыслов. Именно по этому признаку отходники и смыкаются с мелкими предпринимателями: те и другие приносят на рынок продукты своего труда, предлагают квалифицированные услуги, но первые делают это не организованно, т.е. минуя государство, вторые же принуждены оформить с ним отношения, обычно ставящие их в последующем в затруднительное положение.

Последний важный признак: мотив возвратной трудовой миграции в наше время уже чаще всего вызван не нуждой, а целью повышения благосостояния

семьи в сравнении с соседями. Большинство отходников, жителей малых городов, в последние годы могут найти работу и у себя дома, так как вакансии имеются повсеместно. Исключение составляют жители деревень, которых становится все больше среди отходников, но они могут подыскать работу только в районном центре. Однако почти никто из отходников не идет на условия, предлагаемые местным рынком, привыкнув к другому уровню оплаты труда – в 3–4 раза выше – и даже психологические трудности регулярных отъездов из дома и семьи их не останавливают. Отходники в массе своей мотивированы на поддержание высокого уровня благосостояния семьи, и никто не намерен снижать планку. На этот же признак, присущий «развитому» отходничеству конца XIX – начала XX вв., указывают и исследователи того времени [Воронцов 1892; Качоровский 1900; Суханов 1913; Казаринов 1926; Владимирский 1927], и современные историки [Burd 1998; Смурова 2008; Александров 2012; Ахсянов 2013]¹⁰.

Совокупность перечисленных признаков позволяет выделять отходничество в особый вид трудовой миграции, отличающийся от других способов перемещений на рынке труда. И, между прочим, именно в силу этих специфических особенностей отходничество не могло существовать в советское время в сколь-нибудь значимых масштабах. Невозможны были не только массовая самозанятость крестьянского населения (оно уже было вновь прикреплено к земле процессом коллективизации), но и многочисленные самовольные сезонные перемещения людей по стране – в силу «временного» введения паспортной системы. Кустарный же характер промыслов уступил место индустриальному производству «товаров народного потребления» людьми, поселенными непосредственно возле заводов и сельскохозяйственных предприятий, что уничтожило саму почву для отходничества [Андрюшин 2013]. Формы трудовой миграции, возможные в советские годы, как, например, вахта и оргнабор («вербовка» и «вербованные»), «распределение» после техникума, института и свободное поселение после отсидки («химия»), а также экзотические формы, как «шабашка» и «бичевание», – все они не имели указанных выше признаков отходничества и не могли быть поставлены хоть в какую-то логическую связь с такой формой трудовой миграции (см., напр.: [Шабанова 1986]).

Отходники – кто они? Состав современных отходников

Отходничество – как в прошлом, так и в настоящее время – это преимущественно занятие молодых и зрелых мужчин: мало отходников, которые продолжают работать в таком режиме после 55–60 лет. Однако на сегодняшний день совсем отсутствует прежде широко распространенная практика привлечения в ряды отходников юношей и подростков, что и вполне объяснимо: они учатся в училищах и университетах, а после их окончания уезжают «покорять столицы», думая, что это навсегда, и даже если скоро возвращаются в родные города, к отходникам себя причислять не желают, да и по большей части не должны. Отходниками они станут спустя время – обычно после того, как обзаведутся семьей и ответственностью за нее, поэтому мы и видим среди отходников преимущественно людей в возрасте

¹⁰ Опираясь на этот признак отходничества, мы должны бы причислять к отходникам и советских «шабашников» и «завербованных» в лесопунктах, тем более, их работа всегда носила отчетливо сезонный характер.

25–55 лет. Здесь играет роль и такой фактор, как нередкое требование к нанимаемым работникам, особенно охранникам, ограничивающее их возраст потолком в 45 лет. Правда, и строители-срубщики, и водители-дальнобойщики, хотя и являются самостоятельными отходниками, после 50 лет тоже перестают заниматься такой работой.

Одной из замеченных нами особенностей явилось наблюдение, что люди, уезжающие на стройки, в среднем старше охранников. Вполне вероятным представляется, помимо прочего, что чем моложе человек, тем менее он готов заниматься тяжелым физическим трудом (и уж тем более плохо оплачиваемым) и подвергать себя опасностям «серых» трудовых отношений. Как признают многие наши респонденты, молодые стремятся получить «все и сразу», хотят мало работать, но много получать. Очевидно, что служба охранником гораздо больше соответствует этим требованиям, чем труд строителя.

Если прежнее отходничество – до своего исчезновения в период коллективизации и индустриализации – было явлением действительно сугубо мужским, за исключениями земледельческого отхода на юге [Пономарев 1896; Курцев 1982; Перепелицын 2005] и в промышленных столичных областях [Смунова 2007; Саблин 2008; Никулин 2010], то теперь в некоторых, прежде всего в центральных и южных, областях женское отходничество стало столь же распространенным, сколь и мужское. В обследованных нами регионах совсем небольшой долей женщин среди отходников или их полным отсутствием отличаются Пермский край, Архангельская, Вологодская, Ярославская и Костромская области, где традиционно распространены промыслы, связанные с лесом, его переработкой и строительством, и где женщины практически не заняты. Та же картина в Приморском и Хабаровском краях, где отходничество связано с рыболовством и где женщин-отходниц немного.

В обследованных регионах (республики Мордовия и Чувашия, Ивановская, Орловская, Нижегородская, Саратовская, Пензенская, Псковская, Ленинградская, Тверская области) женщины участвуют в отхожих промыслах практически столь же активно, как и мужчины. Здесь отходники обоюбого пола по большей части заняты работами в сфере услуг, не требующими квалификации и особых (мужских) умений, например, плотницких и столярных, инженерных навыков. Женский отход в таких промышленно развитых регионах, как Ленинградская область, вызван, вероятно, значительными потребностями в занятости в сфере услуг. Возможно также, что различия в участии женщин в отходничестве связаны и с тем, что в северных областях их мужья-отходники получают доходы, достаточные для обеспечения семьи, а у жен есть возможность заниматься домашним хозяйством или довольствоваться невысокой зарплатой по месту жительства.

Действительно, если ранжировать регионы по уровню доходов отходников в 2010–2014 гг., то отходники северных и восточных регионов имеют несколько больший доход, чем в центральных регионах, а меньше всего доход – в южных. Это позволяет предполагать, что если отхожий промысел не дает достаточных средств для содержания семьи, в нем начинают участвовать и женщины. Одновременно это свидетельствует о совершенно недостаточном местном рынке труда, на котором нет места не только мужчинам, но и женщинам. Впрочем, это объяснение годится только для замужних женщин. Получая свои 6–8 тыс. руб. в бюджетной сфере или в частном магазине, при коммунальных платежах за стандартную 2-комнатную благоустроенную квартиру, составляющих от 4 до 7 и более тыс. руб. ежемесячно, и при нынешних ценах на продукты питания, не имея достаточного

приусадебного хозяйства, женщина может рассчитывать только на зарплату мужа как на основной источник дохода семьи. Если же мужа нет (а таких семей даже в провинции более 20%), то у женщины, особенно матери-одиночки, нередко не имеющей востребованного уровня профессионального образования и квалификации, просто не остается иного выбора, как искать заработок на стороне. Ей приходится уходить в отход, а детей оставлять на бабушку с дедушкой или даже на старших братьев и сестер. По-видимому, такие матери-одиночки образуют в составе современных отходников особую категорию людей, отправляющихся на поиски работы в дальние края исключительно по нужде, а не ради обеспечения более высокого уровня благосостояния семьи.

Печально, что немалое число семей в малых городах рушатся как раз из-за отходничества. Мужья зачастую находят в местах отхода других одиноких женщин, с которыми и создают новую семью, правда, не всегда регистрируя отношения. Судя по интервью, такое явление далеко не редкость: отходничество сначала рушит семью, а потом вынуждает и женщину уезжать на заработки вполне в согласии с тем, как это происходило в конце XIX – начале XX вв. и как это описывалось авторами того времени [Казаринов 1926]. Исходя из указанных соображений, становится понятным, почему и среди женщин в отхожих промыслах участвуют преимущественно люди в возрасте 30–50 лет: только необходимость поднимать детей заставляет мать уезжать на заработки, если на месте не удастся найти работу с достаточным заработком. Напротив, участие в отходе женщин предпенсионного или пенсионного возраста (обычных в средней полосе европейской России и на юге) вызвано не нуждой, а желанием получать дополнительный доход. При этом они не обременены ни маленькими детьми, ни семьей. Женщины такого возраста обычно уезжают на заработки в столицы с годовым периодом работы, возвращаясь домой лишь на короткое время раз-два в году. Таким образом, сказать, что и сейчас отходничество есть преимущественно мужское занятие, можно лишь применительно к некоторым, традиционно «отходническим», северным территориям страны.

Большинство отходников имеет профессиональное образование – начальное, среднее или, реже, высшее, – причем, как правило, они получили рабочие профессии. Наиболее распространенными специальностями являются тракторист, шофер, слесарь-механик, строитель, причем нередко специальность получена непосредственно на производстве, что довольно обычно в сельской местности. Высшее образование имеют немногие, лишь каждый десятый. Отходничество предполагает обычно снижение профессионального уровня: например, женщины-педагоги чаще всего уезжают в столицы работать няньками или гувернантками, а мужчины, если они не находят работы по специальности, часто устраиваются в охрану.

Отходники редко меняют род деятельности на тот, который им совершенно чужд. Если они с какой-то деятельностью не знакомы по работе, то знакомы хотя бы в своей повседневной жизни, в быту (например, строительство, ремонт, извоз). Поэтому в малых городах и сельской местности, например, в Костромской, Вологодской и Архангельской областях, большинство мужчин разбираются в деревянном строительстве, но обучились этому ремеслу не в ПТУ или ССУЗе, а дома у дедов и отцов. Такие люди признаются профессионалами не по полученному образованию, а по факту обладания соответствующими навыками. Как мы обнаружили с некоторым удивлением для себя, современное отходничество мало или никак не связано с системой профессиональной подготовки, существовавшей в советское время и еще сохраняющейся теперь в стране. Таких отходников, по меньшей мере, две

трети. Затраты государства на профессиональное обучение, ранее обоснованные задачами индустриализации и технологического развития, теперь, особенно в части среднего специального и высшего образования, в отношении немалого числа работников оказываются необоснованными, поскольку, получив некое образование за общественный счет, они работают не по полученной специальности «по распределению» хотя бы три первых года, а отправляются на отхожие промыслы, где чаще всего не требуется ни один из приобретенных профессиональных навыков.

Состав современных российских отходников, таким образом, представлен по преимуществу наиболее активной и деятельной частью трудоспособного населения, в большинстве своем мужчинами зрелого и старшего возраста, обладающими квалификацией, приобретенной как в учебных заведениях, так и прямо на производстве. Нередко их уровень квалификации выше, чем у их соседей-неотходников. Когда мы говорим о той части отходников, которые предлагают на рынке не просто руки, но продукты своего труда (и это не только срубщики, но и водители-дальнобойщики, и вахтовики на дальних «северах»), мы должны обратить внимание прежде всего на то, что эти люди в большинстве своем объединены в группы, бригады, артели, поддерживают между собой тесные дружеские отношения, основанные на общей деятельности, требующей постоянного и длительного пребывания на чужой стороне, и уже одним этим фактом постоянно подкрепляемые. Но и те из отходников, кто работают в сфере услуг, в охране, торговле, даже не имея возможности в отходе находиться в постоянном взаимодействии, у себя дома, уже вернувшись, поддерживают особые отношения, как люди, объединенные одинаковыми обстоятельствами и трудностями профессиональной деятельности, а помимо этого – и особым своим положением в местном обществе. Следовательно, отходники, помимо того, что они наиболее деятельны, наиболее активны, квалифицированы, обладают еще и опытом трудовой солидарности, закаленным трудностями и опасностями работы. С кем из их соседей в местном обществе мы могли бы сравнить отходников по этим качествам? Это только лишь местные мелкие предприниматели, вынужденные и приспособившиеся действовать в крайне неблагоприятной среде (специально об этом: [Чепуренко, Алимова, Габелко, Образцова 2007; Габелко, Мурзачева, Алимова, Чепуренко, Образцова, Демьянова, Ченина 2010; Алимова, Ченина, Чепуренко 2011; Plusnin, Slobodskoj-Plusnin 2013]). И те, и другие в социально-экономическом отношении – лучшие люди в местном обществе¹¹. И как раз первые исключены из местной экономики, а вторые находятся на положении «падчерицы».

География отходничества: направления и удаленность отхода

Направления отхода сегодня несколько иные, чем столетие-два назад, но если учесть фактор произошедших изменений в административно-территориальном делении России, то придется признать, что и по направлениям отхода консервативность велика. Преимущественными направлениями отхода для жителей европейских регионов повсеместно являются Москва с Подмосковьем или, реже,

¹¹ Имеются в виду, конечно, не отходники-охранники и рабочие в сфере услуг, каких большинство на юге страны.

региональные столицы. Из всех опрошенных нами отходников более чем 2/3 – и до 3/4 работали или работают в московском регионе. Раньше отходники чаще ехали в Санкт-Петербург и, реже, в Москву, теперь же северная столица привлекает отходников преимущественно из ближних областей (Псковской, Новгородской, Тверской, Ленинградской и Карелии), да отчасти из областей, связанных с Петербургом давними трудовыми традициями – Архангельской, Вологодской и Костромской. Сейчас Подмосковье притягивает к себе как отходников из этих областей, так и из восточных и всех южных регионов европейской России. В других регионах Центрального федерального округа, за исключением Москвы и Подмосковья, работает или работал всего лишь один из каждых десяти опрошенных отходников. Санкт-Петербург и Ленинградская область в наше время не пользуются таким вниманием отходников, как в прежние годы. Этот город и область были выбраны местом работы всего лишь 10% отходников, среди которых жители Костромской, Тверской, Архангельской и Ленинградской областей. Причем значительная доля отходников в северную столицу наблюдалась нами лишь в Тверской (до трети) и Ленинградской (почти все) областях. Последняя оказалась единственным из обследованных нами регионов европейской части, в котором Москва и Подмосковье не являются основным направлением отхода. Таким образом, значимым центром притяжения отходников Санкт-Петербург является только для жителей самых близлежащих территорий.

Еще одним значимым направлением отхода указывается север, или «севера», под которым имеется в виду любое удаленное от дома место в восточном и северо-восточном направлении, включая Урал и Сибирь. Как правило, работа на «северах» связана с добычей полезных ископаемых или строительством трасс и трубопроводов, обустройством территории (в том числе подготовкой трасс, где необходим опыт лесорубов). Однако и сами уральские отходники (например, Чердынский район Пермского края) предпочитают Сибирь Москве и крупным городам европейской России, если уезжают далеко от дома.

Внутрирегиональный отход (в пределах своей области) довольно редок, тогда как отход на дальние расстояния встречается много чаще. Этим современное отходничество отличается от прежнего, и наиболее вероятной причиной этого видится существенное улучшение транспортного сообщения, прежде всего ускорение коммуникации, что позволяет современному отходнику отойти на более дальнее расстояние от дома за время, потраченное на саму поездку. В своем регионе работают или работали в отходе только около 4% отходников. Причем местом внутрирегионального отхода вовсе необязательно является региональная столица, это могут быть и нередко являются соседние районы. Такие отходники часто работают лесозаготовителями, работниками пилорам, нередко водителями-дальнобойщиками.

Распределения направлений отхода по отдельным федеральным округам в европейской России показывают, что для отходников все эти территории имеют совершенно несущественное значение. В городах Приволжского округа, в Северо-Западном (без Санкт-Петербурга и Ленинградской области), в Южном (без Сочи и окрестностей) работали или работают единицы отходников из малых городов. В редких случаях нам указывали и конкретные города, куда ездят отдельные отходники. Таким образом, географическое положение при выборе места отхода не имеет решающего значения нигде в регионах европейской России, кроме городов, ближайших к Санкт-Петербургу. И отовсюду отходники тянутся к громадному рынку Москвы и Подмосковья. Отходники Предуралья и Урала, вероятно, тяго-

теют уже больше к Сибири. Поэтому кажется наиболее вероятным, что сибирское отходничество, если оно и получило развитие, не выходит за пределы своих регионов и федеральных округов. Отходники южного Приморья также обычно трудятся в пределах своего региона.

Если связать направления отхода с удаленностью его от места жительства отходника, можно получить следующую картину. Современный отходник перемещается на поездах, автобусах, маршрутных такси или на личном транспорте (на легковых и грузовых автомобилях). Радиус ближнего отхода составляет около 200–300 км, реже 400–500 км, что соответствует примерно от 4–6 до 8–10 часов езды на поезде или автомобиле. Это расстояние позволяет работнику практически еженедельно или раз в две недели возвращаться домой без ощутимых для бюджета семьи транспортных расходов (затрачивая на дорогу в оба конца от 500 до 1500 руб. как на автомобиле, так и на поезде). Именно на таком расстоянии от Москвы и Подмосковья проживают большинство отходников, нанимающихся там в охрану. Зарабатывая за две недели вахты около 15 тыс. руб., они могут привезти домой «чистыми» до 10 тыс., потратив около трети заработка на свое пропитание и дорогу. На таких же расстояниях от мест работы проживают многие из тех, кто нанимается дворниками, нянями, гувернантками и т.п. Однако и эти отходники и отходницы живут нередко по несколько месяцев без возвращения домой; в данном случае условия работы не позволяют регулярно ездить домой, где к тому же их зачастую уже не держат ни хозяйство, ни дети.

Отход на средние расстояния (средний радиус составляет около 500–700 км) психологически соответствует одной ночи в поезде – от 10 до 12 часов – или примерно такой же по продолжительности, но менее комфортной поездки на автомобиле. Поскольку затраты на поездку и в поезде, и на машине составляют более 3 тыс. руб. в обе стороны, а временные затраты с учетом необходимого времени на отдых составляют даже более 2 суток, отход на такие расстояния длится в среднем один, иногда два месяца. Обычно именно отходники-профессионалы (особенно плотники, строители, инженеры) проживают на таком удалении от мест работы. Сезонность работы и ее аккордный характер позволяет им возвращаться домой на одну-две недели каждые месяц-два и успеть заняться хозяйством, семьей и даже детьми. Радиус дальних отходов – это 1000–1500 км от мест проживания, что соответствует суткам пути от дома. На таком удалении работают непрерывно обычно несколько месяцев. Наконец, очень дальние расстояния – это более двух суток пути на поезде, или свыше 3000 км от дома. В таких случаях отходники уезжают почти на год и дольше, и если их работа – на предприятиях «на северах», то люди возвращаются домой только во время отпусков, примерно раз в два года.

Таким образом, очень сильно варьируют и сроки, и периодичность отхода, находясь в зависимости не только от дальности, но и от вида, и характера работы. Дать единообразного, цельного абриса, по-видимому, невозможно. Обобщая же картину удаленности мест отхода по всем обследованным городам и районам, следует отметить, что вся масса современных отходников распределяется практически равномерно – по 1/3 в каждом случае – на тех, кто уезжает в ближний, средний или дальний отход. С учетом сильнейшего притяжения Москвы и Подмосковья в окружающих Москву «подмосковных» областях – Рязанской, Орловской, Тверской, Ивановской, – Республике Мордовии и других преобладает отход на ближние расстояния; в более удаленных – Вологодской, Костромской – отход на средние расстояния. Естественно, что в каждом конкретном городе предпочтительные расстояния

отхода оказываются разными и определяются прежде всего близостью к крупному рынку труда. Так, преимущественно на ближние расстояния уезжают отходники Касимова, Темникова и Кинешмы (в Москву), Подпорожья (в Санкт-Петербург), Чердыни (Соликамск, Березники и Пермь). Отходники Костромской области (Солигалич, Чухлома, Макарьев, Кологрив), Никольска, Торопца, Алатыря, Каргополя преимущественно отправляются на средние расстояния отхода (в ту же Москву, в меньшей степени – в Санкт-Петербург). Но при этом и дальние расстояния отхода оказались характерны для отходников Темникова, Кинешмы, Никольска, Чердыни, Касимова, Каргополя.

Как видим, отходники – очень мобильная часть трудоспособного населения; его массовая подвижность, легкость смены места приложения трудового усилия позволяет говорить нам об отсутствии каких-либо границ на региональных рынках труда по всей территории России. В отличие от того, что писали в 1990-е гг. о непроницаемости региональных рынков труда, в 2000-е и 2010-е гг. российский рынок труда следует считать единым, мобильным и очень динамичным именно благодаря переходу массы людей к отходу как к особой модели экономического поведения. Масштабы российского отходничества явно превосходят масштабы трансграничной трудовой миграции на постсоветском пространстве [Зайончковская, Тюрюканова, Флоринская 2011]. Чрезвычайно высокую мобильность отходников мы должны рассматривать не только и даже не столько в экономическом аспекте, сколько в социальном и политическом ракурсе; мы должны смотреть на отходников как на «новую трудармию», обладающую качеством инициативности и самостоятельности большинства ее «воинов». Притом для общества и для государства эта «армия» невидима, она как бы и не существует. И все это ставит перед государством крайне непростую (а главное, новую и на сегодняшний день никак не разрешимую) задачу регулирования и контроля этой части общества [В тени регулирования 2014].

Виды современных отхожих промыслов и региональная специализация в них

Исследователи отходничества XVIII–XIX и начала XX вв. отмечали выраженную профессиональную специализацию отходников-кустарей, плотников и плотогонов, дворников и половых, извозчиков и бурлаков из разных уездов [Руднев (1, 2) 1894; Владимирский 1927; Перепелицын 2005; Смурова 2007; Оглоблин 2010; Ахсанов 2013]. Обычная для того времени узкая специализация жителей разных уездов в том или ином виде промысла была вызвана во многом сильнейшей конкуренцией между ними, особенно в столицах, вследствие широких масштабов отходничества среди крестьян. Современное же отходничество, по сути, только возрождается и лишь на наших глазах начинает приобретать масштаб, сопоставимый с прежним. Тем не менее нам казалось, что специализация уже имеет место; такое впечатление сложилось у нас во многом потому, что мы начали наши полевые исследования в Костромской области, население которой издавна специализируется в плотницком ремесле и продолжает сохранять эти традиции. В результате работы в Костромской области и затем в Мордовии у нас создалось впечатление, что северное и южное отходничество существенно различаются по видам деятельности и харак-

теру работ: если на севере преобладают строительные профессии, то на юге большая часть отходников работают в качестве охранников. Дальнейшие исследования в Вологодской и Архангельской областях, в Пермском крае, затем в Рязанской, Тверской и Орловской областях, в Чувашии как будто подтвердили такую широтную дифференциацию регионов по специализации отходничества. Однако выяснилось, что исходно сложившаяся схема деления регионов по преобладанию отхожих промыслов на основе грубого широтного градиента оказалась неудачной. Вернее было бы поделить регионы по другому основанию: именно по важным местным ресурсам, которые местное население может использовать самостоятельно, предлагая его переработку на стороне.

Такой наиболее доступный непосредственно населению ресурс – лес и его продукты. Именно ресурсы леса в широком смысле – не только древесина, но и дикоросы, включая лекарственные травы, мох, смолы и прочее, – да еще, может быть, ресурсы многочисленных рек и, частью, морей, являются, по нашему мнению, единственными в своем роде, до сих пор слабо или никак не контролируемые государством. В других странах давно уже существует государственный контроль таких ресурсов (например, в Германии – с XVI–XVII вв., см.: [Кюстлер 2012, с. 87–94]). Но, вероятно, только в России эти ресурсы остаются во многом неподконтрольными и более доступными для использования населением. Так, по нашим многочисленным наблюдениям, в Карелии, Коми, Пермском, Красноярском краях, Мурманской, Архангельской, Вологодской, Костромской, Иркутской областях, т.е. в богатых лесом регионах, «теневая» составляющая реальных объемов заготовки и продажи леса «кругляком» и пиломатериалами повсеместно составляет от 3/4 до 4/5. По мнению практически всех местных экспертов, только 20–25% заготавливаемой древесины проходит официально, «по документам», все остальное нигде не учитывается. Что же касается заготовки грибов, ягод, коры, мха, лекарственного сырья, то учет такого сырья вообще отсутствует.

Поэтому следует признать российскую уникальность именно в такой возможности для значительной части населения поддерживать свое благосостояние за счет использования неконтролируемых ресурсов. Масштабы такого использования поражают – за 1–2 летних месяца семья способна только на ягодах и грибах обеспечить себя суммой денег, эквивалентной 2–5 годовым окладам бюджетника в своем регионе. Что же говорить о предпринимателях, арендаторах лесосек и хозяевах пилорам, если они повсеместно *«на каждую сотню кубов официально проданного пиломатериала уводят налево еще пятьсот»*¹²? При этом в лесных регионах едва ли не все предприниматели-производители – это «лесники», а в среднем «лесном» районе в 2000-е гг. на 100–300 всех зарегистрированных индивидуальных предпринимателей приходилось по 30–60 владельцев пилорам. Именно в силу этого обстоятельства во всех обследованных нами старых городах и деревнях Архангельской, Вологодской и Костромской областей, как и Пермского края, многие отхожие промыслы связаны с лесом напрямую. Например, более 4/5 всех никольских, кологривских, макарьевских, чухломских и солигаличских отходников и до 2/3 каргопольских и чердынских (этим до Москвы слишком далеко) занимаются лесозаготовками, переработкой леса и строительством частных домов из дерева, чаще всего – изготовлением срубов. Кроме такой работы, отходники

¹² Из интервью с индивидуальным предпринимателем, хозяином пилорамы в г. Кологриве, Костромская область, ноябрь 2012.

из этих областей нанимаются и лесорубами, нередко в соседние районы. В Каргопольском районе, например, есть целая бригада отходников, едущих в Западную Сибирь, где они валят лес в местах нефтедобычи – обустраивают территорию перед постановкой скважин или прокладкой трубопроводных трасс. Отходники-северяне, не занятые на лесозаготовках или в деревянном строительстве, кроме того работают на отделке квартир, капитальном строительстве многоэтажных домов или промышленных зданий. При этом для северных областей работа отходника в охране – редкость, и, например, в городах Архангельской и Вологодской областей – Каргополе и Никольске – мы не обнаружили ни одного охранника. Помимо Пермского края, Архангельской, Вологодской и Костромской областей, с отходниками, занятыми в деревянном строительстве, мы сталкивались только в Тверской области, в городе Торопце: там их доля в общем числе отходников, по нашим оценкам, составляет около 15%, и специализируются они в основном на изготовлении более простых в работе домов из бруса, а не на требующих специальных навыков бревенчатых срубах. В Рязанской, Орловской, Саратовской областях, в Чувашии и в Мордовии также, как и в Приморском крае, отходники вообще не занимаются строительством деревянных домов.

Тверская область, по нашим наблюдениям, особенно Торопец и отчасти Кашин и Бежецк, оказалась самым разнообразным регионом по видам отхожих промыслов. Помимо строителей брусовых домов и охранников (и тех, и других – примерно каждый десятый), три четверти всех торопецких отходников – это представители рабочих специальностей: строители (капитальное строительство), сварщики, связисты, электрики, водители, монтажники-связисты, монтажники уличных (рекламных) конструкций, сантехники, автомеханики, рабочие пищевых предприятий и прочее. Женщин-отходниц здесь больше, чем в северных областях, но меньше, чем в остальных южных регионах, где женское отходничество является вполне рядовым явлением. Торопецкие отходницы работают штукатурами, малярами, домработницами. А просмотр классных журналов в одной из торопецких школ позволил зафиксировать еще и новые виды отхожих профессий: среди родителей-отходников, указавших место работы в Москве или Петербурге, встречаются такие профессии, как инженер-строитель, ювелир, водитель, электрик, официант, высотник-монтажник, бухгалтер. Есть и такие варианты, как директора фирм в Москве и в Пскове¹³.

Менее разнообразны виды деятельности отходников в Рязанской области, в городе Касимове. Здесь каждый пятый отходник занят в охране, примерно столько же – в капитальном строительстве, ремонте и отделке квартир. Многие работают водителями и в сфере грузоперевозок, сварщиками, монтажниками, экскаваторщиками, токарями. Женщины работают в торговле, в общепите, гувернантками, нянями, домработницами.

Ивановская область (Кинешма) выделяется высокой долей охранников среди отходников – около 60% всех опрошенных. Помимо охранников, мужчины из Кинешмы, имеющие специальности, ездят работать строителями в мостоотряды, на машиностроительные предприятия, участвуют в капитальном строительстве. Здешние респонденты называли нам в качестве отходников даже юристов, медицинских работников и педагогов. Женщины работают в торговле, швейном производстве (что

¹³ Отчет А.А. Байдаковой о поездке в Торопец 18–23 ноября 2011.

обусловлено текстильной специализацией области), медицине (в городе медицинское училище), операторами на складах, гувернантками, горничными, сторожами. Здесь есть даже такие семьи, где в отход уходит только жена, а муж работает дома.

Высока доля охранников и в Мордовии (Темников, Ардатов и Саранск); основываясь на оценках местных жителей, соседей отходников, мы полагаем, что в действительности там таких отходников подавляющее большинство. Мордовские отходники, если заняты не в охране, работают в капитальном строительстве, разнорабочими и водителями. Интересно, что в Мордовии мы не обнаружили обычного четкого деления отхожих профессий на мужские и женские. Но имеются и особые профессиональные предпочтения. В Темникове и Ардатове сохранились медицинские училища, продолжающие готовить медицинские кадры, спрос на которые в условиях «сжеживания» здравоохранения падает. Это привело к возникновению медицинского отходничества среди женщин. Фельдшерицы и медсестры ездят в Москву, где работают в частных клиниках. Отдельно стоит выделить деревни Темниковского района Мордовии, откуда значительная группа жителей ездит работать на алмазодобычу в якутский поселок Айхал, где уже сформировалась большая мордовская диаспора; возможно, этих людей уже нельзя причислять к отходникам.

Отходничество в столичном Саранске схоже с тем, что бытует в провинциальных районах Мордовии. Аналогичная ситуация со специализацией отходников и в соседних западных районах Чувашии (город Алатырь). В целом чувашское отходничество весьма схоже с мордовским, они нанимаются преимущественно охранниками (по данным из Алатыря). Причина очень большой доли охранников среди отходников, проживающих в областях, окружающих Москву, состоит только в том, что в столице высока потребность в этом виде неквалифицированного труда, а в провинции много людей с плохим профессиональным образованием, делающим их по сути неспособными конкурировать за виды работ, требующих специальной профессиональной подготовки.

Подпорожское отходничество (на северо-востоке Ленинградской области) в целом близко к отходничеству из нелесных регионов средней полосы России, но и у него есть своя особенность. Здесь наблюдается самая высокая доля отходников, работающих на заводах Ленинградской области и Санкт-Петербурга. Нам назывались ювелирные заводы, текстильные предприятия, чайные фабрики, предприятия по производству картонных коробок, и на такие производства, как правило, устраиваются женщины. В селе Вознесенье, расположенном в том же Подпорожском районе, но в истоке реки Свири и на окончании Онежского канала, основная масса отходников – это так называемый плавсостав, то есть люди, работающие на судах Онежского бассейна. Опрос показал, что водники составляют порядка 3/4 от общего числа отходников. Это связано с тем, что градообразующим предприятием поселка в советское время была ремонтно-эксплуатационная база флота. Она существует и сейчас, но если раньше там работало более 1000 чел., то сейчас всего около 300 работников. Сокращения среди речников создали большой потенциал для так называемого профессионального флотского отходничества. Люди уезжают на весь период навигации, нанимаясь на суда речных и морских флотилий Балтийского, Онежского и Беломорского бассейнов¹⁴.

¹⁴ Совершенно аналогичная картина наблюдалась нами уже в 1990-е гг. на Белом море, где промысловый флот поморских колхозов на всем побережье имел плавсостав не из числа своих колхозников, как было раньше, а почти полностью комплектовался моряками-отходниками из Эстонии и с Украины.

В Пермском крае (Чердынский район) отходники, как и на Русском Севере, специализируются в лесной сфере: многие из них уезжают бригадами на лесозаготовки, нанимаются на пилорамы в соседних районах, плотничают. Немало отходников занимается извозом, становясь дальнбойщиками на транссибирских трассах, обеспечивая перевозку грузов между сибирскими и европейскими регионами (но поскольку Чердынь находится в стороне от магистралей, этот вид отходничества не может здесь развиваться в достаточной степени). Часть чердынских отходников специализируются в охране. Причиной этого является то обстоятельство, что в районе существовало много исправительно-трудовых колоний и немало жителей Чердыни и района работали охранниками и воспитателями в этих колониях. Но с недавних пор многие колонии расформированы и люди уволены, и им приходится искать соответствующую работу, выезжая на отхожие промыслы в поисках схожей профессии.

Наблюдающаяся определенная специализация городов и районов в видах отхожих промыслов может быть обусловлена несколькими факторами: не только историческими – опытом прежних столетий и производственной специализацией населения, как это хорошо видно на Русском Севере, – но также и факторами экономико-географическими – близостью к крупным рынкам труда и происходящим в последние время развитием отдельных видов крупных производств в непосредственной близости от дома отходника¹⁵.

В целом отходники, проживающие в лесных северных областях европейской России и Урала, тяготеют к лесным видам промыслов, основу которых составляет индивидуальная инициативная деятельность с использованием местного ресурса, продукты переработки которого предлагаются ими на рынках мегаполисов. В более южных центральных областях, где такие натуральные ресурсы, легко доступные к использованию населением, отсутствуют, и где население может предложить рынку либо востребованную квалификацию, либо всего лишь свои руки, отходники делятся на две категории, профессионально существенно различные между собой. Первую категорию составляют те, что обладают профессиями, востребованными на рынке и, как правило, проживающие недалеко от региональных центров. Они вполне успешно работают в крупных городах по специальности в промышленности, строительстве, на транспорте, в сфере услуг и социального воспроизводства (воспитание, образование, здравоохранение). Вторая категория – и таких отходников большинство, особенно среди жителей сельских районов, – в отходе занимаются неквалифицированным трудом: преимущественно нанимаются в охрану, в уборщики, в розничную и мелочную торговлю, на домашние работы в прислугу.

Отходничество, таким образом, несмотря на неформальный характер занятости, представлено во многих, если не во всех, сферах профессиональной деятельности. Среди отходников большое количество неквалифицированных работников, но немало и людей высокой квалификации и редких профессий. Основанием для специализации регионов хотя и выступают по преимуществу исторические факторы (прежде существовавшие виды отхожих промыслов), но в настоящее время не менее важны и ресурсные возможности (способность бесконтрольно использовать местные ресурсы), и профессиональная специализация (наличие профессиональ-

¹⁵ Например, в Пошехонском районе Ярославской области, где высокий потенциал отходничества за счет удобной равноудаленности Пошехонья от индустриальных центров Ярославля, Череповца, Рыбинска и Москвы сокращается из-за создания нескольких промышленных производств на территории района.

ных учебных заведений). Отходники широко используют все имеющиеся на местах возможности для жизнеобеспечения и тем самым демонстрируют, насколько велик потенциал, которым располагает каждое местное общество.

Оценка численности отходников

Определение общей численности отходников в стране является непростым вопросом, поскольку они и власти не видны, и в экономике никак не зафиксированы.

В российской официальной статистике численность отходников не фиксируется в связи с ориентированностью государственных служб миграции на контроль миграционных потоков из-за рубежа и с наличием лишь декларируемого внутреннего учета. Кроме того, российская миграционная статистика имеет возможность отслеживать только те перемещения, которые связаны со сменой официально зарегистрированного места жительства. Эти обстоятельства определяют то, что на сегодняшний день никаких (а не только надежных) статистических данных по рассматриваемому вопросу практически нет, поэтому оценки масштабов отходничества в России со стороны власти носят исключительно экспертный характер и весьма приблизительны. В свое время Независимый институт социальной политики проводил оценку численности работников, не регистрируемых экономической статистикой; в результате сообщалось, что на конец 1990-х гг. от 10 до 12 млн экономически активного населения были не учтены в экономике, следовательно, они самозаняты и пребывают где-то «в тени» [Малева 1998].

На Апрельской конференции в Высшей школе экономики, проходившей 2–5 апреля 2013 г., в докладе заместителя Председателя Правительства России О.Ю. Голодец были сделаны следующие признания: «Тут накопилась масса негативных явлений. В России из 86 миллионов граждан трудоспособного возраста только 48 миллионов работают в секторах, которые нам видны и понятны. Где и чем заняты все остальные, мы не понимаем»¹⁶. Очевидно, что оставшиеся 38 млн граждан, которые не платят необходимые социальные взносы, располагаются где-то в «экономической тени» и немалая их часть, если не большинство, это отходники. Государственная власть в регионах все же время от времени вспоминает, что у нее имеется «неучтенка» объемом до половины трудоспособного населения, и что нужно каким-то образом это учесть, но реальные действия ограничиваются лишь требованиями к местным властям предоставить данные о неучтенном экономически активном населении.

Однако вычислить точное количество отходников затруднительно или невозможно и на муниципальном уровне. На местах ни территориальные подразделения органов государственной власти (центры занятости населения, местные отделения Росстата), ни местные муниципальные администрации такой статистикой либо не обладают, либо ведут ее обычно в инициативном порядке, да и то эпизодически и в редуцированном виде, учитывая только тех, кто ездит на заработки по оргнабору сезонно на вахты. Однако, как правило, эти данные учитывают только отдельные категории временных трудовых мигрантов, а не всех отходников и не только отходников.

¹⁶ XIV Апрельская конференция НИУ ВШЭ // www.hse.ru/news/extraordinary/79252003.html

В ряде обследованных районов нам удалось получить данные местной статистики¹⁷ за 2010–2011 гг. по численности всего экономически активного населения, безработных и занятых в экономике района. В результате мы смогли рассчитать численность всех неучтенных, включая, помимо собственно отходников, «шабашников», «калымщиков», часть неучтенных вахтовиков. Правда, в это число вошли и неработающие в трудоспособном возрасте (иждивенцы, инвалиды), и домохозяйки. Тем не менее, по нашим наблюдениям и местным экспертным оценкам, большинство в этой группе составляют все же классические отходники – люди, самостоятельно нашедшие себе работу на стороне. Как можно видеть [Плюснин, Заусаева, Жидкевич, Позаненко 2013, с. 63], доля неучтенного в экономике трудоспособного населения района или городского округа варьирует в значительных пределах: от 14–15% в Каргополе, Торопце и Касимове до 47–48% в Алатыре, Ардатове, Темникове и Чухломе – различия трехкратны. Уже на этом небольшом массиве данных хорошо видно, что даже чуть лучшие возможности трудоустройства людей на местах резко сокращают долю отходников. Там же, где все возможности трудоустройства ограничиваются почти исключительно бюджетными местами, где нет никакой промышленности и недостаточно развито малое предпринимательство, до половины трудоспособного населения вынуждено отъезжать. В среднем (по нашим выборочным данным) численность неучтенного населения составляет около трети всего трудоспособного – 32%. Полагая, что значительную долю среди них формируют именно отходники, а среди них преимущественно мужчины, и приняв в расчет, что почти всегда только один член семьи отправляется на заработки вне территории проживания семьи, мы вынуждены будем заключить, что, по крайней мере, треть всех семей в провинции живет за счет отхожих промыслов, т.е. вида экономической активности, не учитываемой официальной статистикой. Сравнение полученного нами значения численности отходников с данными, озвученными вице-премьером в 2013 г., показывают, что до 3/4 этого неучтенного населения составляют отходники.

Эти данные мы можем дополнить данными об отходниках, публикуемыми в местных средствах массовой информации. Местные СМИ, прежде всего небольшие городские частные издания и районные газеты, могут являться полезным источником информации о масштабах развития отходничества. Районные газеты повсеместны, их тираж очень высок – эти газеты читают 3/4 семей. Изредка в них появляются сводки, позволяющие оценить местный масштаб отходничества. Частные издания, там, где они есть (в отличие от 1990-х гг., таких изданий гораздо меньше и имеются они примерно в половине провинциальных городов), нередко оказываются более информативными по сравнению с районными газетами: они в большей степени ориентированы на то, чтобы поднимать общественно значимые проблемы, чем районные газеты. К примеру, редакция кинешемской частной газеты «168 часов», решив, что отходничество является существенной проблемой для города, провела в конце 2011 г. небольшой телефонный опрос, который показал, что на заработки в Москву ездит порядка 30% из опрошенных людей¹⁸. Сравнение этой оценки с косвенной статистической оценкой неучтенного населения в Кинешме (32%) показывает очень хорошее согласие.

¹⁷ Еще раз обратим внимание на тот факт, что вся местная статистика является сейчас исключительно инициативным делом муниципальных властей, поскольку нет соответствующей законодательной базы и органы местного самоуправления вольны учитывать любые формы движения населения каким угодно способом.

¹⁸ По данным полевых отчетов Я.Д. Заусаевой и А.А. Байдаковой по результатам поездки в Кинешму Ивановской области в феврале 2012.

Однако нередки и ситуации, когда редакции газет не могут представить никаких сведений об отходниках, а главные редакторы могут быть и совсем не осведомлены об этом явлении. Хотя обычно редакторы местных газет все же имеют некоторое представление о явлении, но, в отличие от редкого случая редактора кинешемской газеты, почти никто не располагает конкретными цифрами. В целом же, если сравнить полученные нами из интервью с сотрудниками местных СМИ результаты их наблюдений относительно распространенности отходничества в районе с проведенными нами расчетами числа неучтенных работников в районе, обнаруживается достаточное согласие оценок. Там, где отходничество менее развито, как в Каргополе, и редакторские оценки согласуются с этим. На тех же территориях, где отходничество развито – в Ардатове, Темникове, Чухломе – и сотрудники редакций хорошо осведомлены о нем. Но вот конкретные оценки их неточны; знают, что многие ездят, но каков масштаб явления – об этом не осведомлены; причина в том, что они знают о явлении не как представители СМИ, а как простые обитатели, и потому оценки масштабов зависят от частных обстоятельств.

Многие сотрудники местных администраций и государственных учреждений знают о существовании отходников только из личного опыта, лишь в качестве жителей города, соседей тех, кто уезжает на заработки. Свое представление о масштабах развития явления также имеют сами отходники и другие местные жители. Это мнение, конечно, не основывается ни на какой объективной оценке численности отходников, но дает целый пласт информации относительно того, как воспринимают социально-экономическую ситуацию в городе разные категории населения, поскольку для многих жителей отъезд кого-либо из соседей на заработки воспринимается исключительно как признак нужды и невозможности найти работу на месте. Других целей отходничества они обычно не видят.

Поскольку отходничество понимается многими людьми как вынужденная деятельность, доставляющая человеку много беспокойства, жители склонны завышать долю людей, занятых в отхожих промыслах, представляя ситуацию более масштабной, чем она есть на самом деле. К примеру, в Касимове доля отходников, по примерной статистической оценке и нашим независимым данным, составляет около 10–15% трудоспособного населения, но сами горожане дают оценку примерно в 50%. Свою численность склонны завышать, конечно, и сами отходники. Например, в Кологриве меньше половины взрослого мужского населения уезжают на заработки, но самим отходникам кажется, что на заработки уезжают больше половины мужчин. То же и по упомянутому Касимову: отходники дали оценку в 50–80% трудоспособного населения. Точно такая же ситуация характерна, например, и для Торопца, и для Чердыни, где реальная доля отходников, по-видимому, составляет не более 15–20%, но горожане оценивают долю занятых в отхожих промыслах в среднем в 35%, а сами отходники – в 40%. Интересно, что завышать долю отходников в своих оценках склонны и сотрудники государственных учреждений – в центрах занятости населения и в территориальных отделениях Росстата. К примеру, в Центре занятости населения г. Касимова нам была озвучена оценка в 30% (т.е. по крайней мере вдвое больше реальной их численности). В кинешемском отделении Росстата считают, что отходников в городе 80%, хотя, по более надежным оценкам, в Кинешме доля отходников не превышает 30%.

Примечательно, что сотрудники местных администраций, являясь местными жителями, до долгу службы обязаны быть осведомлены о жизни своего города и района, но либо совсем не знают и не видят отходников, либо дают оценки, часто

занижающие численность этой категории активного населения, тем более что оценки муниципальных и государственных служащих нередко полярно расходятся. Можно, конечно, предположить, что в данной ситуации мы встречаемся с примером явной дезинформации исследователей, поскольку в то же время заинтересованные сотрудники территориальных учреждений органов государственной власти (службы занятости населения, Росстата) дают, как и большинство населения, завышенные оценки доли людей, работающих за пределами города или района. Правда, местная власть нигде не ведет учет таких работников и не ставит такую задачу перед своими служащими. А между тем они имеют возможность осуществить простейшую оценку, аналогичную тому, что сделали мы на основе данных из разных, но доступных, источников: например, прямым способом вычисления масштабов отходничества может служить простой расчет разницы между численностью населения в трудоспособном возрасте и численностью населения, занятого в экономике района.

В своем анализе численности отходников мы использовали и такие методы, как выявление их по похозяйственным книгам, по записям в школьных классных журналах и опросам классных руководителей или методом прямого выборочного уличного подсчета семей в городах, где есть отходники. Все эти методы имеют свои ограничения, но, как показала практика их применения, сходимость результатов в пределах отдельного города и района довольно хорошая.

Таким образом, ситуация с оценкой численности отходников, как специфических трудовых мигрантов, неопределенная. Официальные данные государственной статистики отсутствуют: данные Росстата ничего не сообщают об отходниках; Центры занятости населения могли бы учитывать этих людей в числе незанятого в экономике района трудоспособного населения, но делать это не могут по разным причинам, и прежде всего потому, что акцентируют внимание исключительно на официально зарегистрированных безработных; в муниципальных отчетах, как и в существующих ныне «паспортах муниципальных образований», люди, не занятые в экономике района, просто «выпадают» из всех учетных данных, для власти они как бы вне экономики. Да и сами представители власти не интересуются этой категорией населения даже в качестве своих соседей по улице и городу. Получить данные, используя, как раньше, информацию миграционных или налоговых ведомств, невозможно, потому как ни те, ни другие ею не располагают. На сегодняшний день остается единственный способ – получение путем разных методических ухищрений, как это сделали мы, оценок численности отходников непосредственно в городе или районе и экстраполяция этих данных на всю страну. Какая картина из этого вырисовывается? Конечно, она грубая и весьма неточная, но позволяет оценить хотя бы масштаб явления. Расчет численности отходников в стране мы уже давали, когда приступали к нашим эмпирическим исследованиям этого явления [Скалон 2011]. Оценки эти основываются на следующих соображениях: в малых городах и сельских районах России в настоящее время от 10 до 50% и более трудоспособного населения (в основном мужского, но где-то велика и доля женского) находят себе заработок на стороне, как правило, самостоятельно. По этим признакам их надо причислять к современным отходникам. В среднем выходит, что не менее 40% провинциальных семей обеспечиваются за счет отходничества. Принимая в расчет, что на этих территориях проживают более 60% семей, в результате мы должны полагать, что из примерно 50–54 млн российских семей не менее 10–15, а может и все 20 млн живут за счет отходничества. То есть, по грубой оценке, от четверти до трети российских семей – это семьи отходников.

Тенденции развития современного отходничества

Несмотря на непродолжительный срок массового возобновления современного отходничества (менее 20 лет), оно уже, как нам кажется, прошло два этапа в своем развитии. *Первый этап* характеризовал собственно возникновение отходничества в малых городах европейской части страны и быстрое нарастание массового отхода в центр, преимущественно в Москву и Подмоскowie¹⁹. В качестве *второго этапа* развития отходничества мы рассматриваем процесс перемещения источников отхода из малых городов «вглубь района», в деревни, а также одновременный с этим новый процесс распространения отходничества на восточные территории России, в Сибирь и на Дальний Восток.

Важнейшей особенностью *первого этапа* было быстрое возобновление отходничества в малых городах в тех же областях, что и в имперские времена. Этот процесс в середине 1990-х гг. был инициирован преимущественным действием двух факторов. Первый – это полное отсутствие рынка труда именно в малых городах вследствие «схлопывания» всякого местного производства, остановка и банкротство в начале 1990-х гг. крупных и малых государственных предприятий, существовавших в каждом малом городе, исполнявших функции градообразующих предприятий и позволявших закреплять население на местах. Внезапное исчезновение средств существования у массы семей в малых городах усугублялось неразвитостью или даже полным отсутствием здесь подсобного хозяйства, которое в то же время позволяло сельским семьям намного легче пережить развал колхозов и совхозов. Это безысходное положение городских семей, оставшихся без работы и не имеющих хозяйства, заставило людей спешно искать новые источники жизнеобеспечения, среди которых отхожий промысел с каждым годом – по мере развития рынка труда в областных и столичных городах – становился все более массовым источником. Но если это явилось движущей силой отхода, то невозможность семье переселиться ближе к месту работы (в силу общеизвестных особенностей нашей жилищной системы) и явилось как раз фактором, определившим специфику трудовой миграции в форме отходничества. Без «прикрепленности» к квартире, к дому современное отходничество не приобрело бы нынешних масштабов, точно так же, как «прикрепленность» к земле в конце XIX и в начале XX вв. множества будущих «новых горожан» определяла столь выразительную динамику городской жизни тех лет, имевшую множество политических последствий [Минц 1929; Вишневецкий 1998; Волин 2005; Андрушин 2013]. Для большинства семей издержки переезда на новое постоянное место жительства оказались много выше издержек, связанных с хоть и длительной, но временной отлучкой одного члена семьи (заметьте, что в прежние годы не существовало такой «квартирной крепости», как в настоящее время, и прежние отходники «закреплялись» землей и хозяйством). Однако надо отметить, что если в 1990-е гг. именно «квартирная крепость» заставляла людей становиться отходниками, то к концу 2010-х гг. отходники в массе своей не хотят переезжать из села и малого города в областной город или (тем более в столицы).

¹⁹ Мы уже отмечали, что под «Подмосковьем» отходники понимают территорию, гораздо большую, чем принято считать: этот термин для них охватывает не только всю территорию Московской, но и значительную часть Тверской, Рязанской, Владимирской, Тульской областей – иначе говоря, все пространство, освоенное и заселенное в последние два десятилетия московскими дачниками (ср.: [Нефедова, Трейвиш 2010; Нефедова 2012]).

Второй этап развития современного отходничества начинает складываться примерно с начала 2000-х гг. и характеризуется главным образом смещением источника отхода из административных центров (малых городов) в сельскую местность этих же районов. Вызвано это, по нашему предположению, экономической стабилизацией начала 2000-х и массовым ростом благосостояния семей. В малых городах были восстановлены многие предприятия и даже возникли новые. Помимо появления новых рабочих мест, вернувших бывших отходников домой, в структуре занятости населения произошли и другие важные изменения, связанные, по словам С.Г. Кордонского, с «доставлением вертикали власти до уездного уровня» [Кордонский 2010], в результате чего в районных центрах значительно увеличилось число бюджетников, в том числе служащих регионального и федерального уровней государственной власти именно в районных центрах, являвшихся немногим ранее основными местами отхода²⁰. Эти две причины – рост местного производства и развитие бюджетной сферы – стали способствовать снижению масштабов отходничества в малых городах. Но рабочие места, оставленные в столицах отходниками из городов, заместились отходниками из деревень, причем они были буквально переданы из рук в руки «своим». Если раньше безработные мужчины из деревни искали случайные заработки в районном центре, то теперь существенное число сельских жителей путями, указанными их коллегами из райцентров, уезжают в Город (с большой буквы, т.е. в областной центр) или в Москву и Подмосковье и там добывают средства для жизни.

Несколько особняком стоит процесс перемещения отходничества на восток страны, который по времени совпадает со сдвигом отхода в сельскую местность на западе России, но не обусловлен действием одних и тех же факторов. В имперские времена отходничество (за исключением гужевого извоза на дальние расстояния) было чуждо богатым и обеспеченным ресурсами селам и городам Сибири (хотя, по мнению некоторых исследователей, быстрое освоение Сибири было обеспечено именно благодаря традиции отходничества [Ремнев, Суворова 2010], однако это выступило лишь вероятным условием освоения). Население Сибири не нуждалось в поиске дополнительных заработков, будучи немногочисленным, питаясь от плодородных земель и имея достаточные денежные средства от охоты, рыболовства, скотоводства, лесозаготовок, добычи драгоценных металлов и многих иных промыслов. Сегодня же наблюдается возвратная трудовая миграция жителей сельских районов в областной центр или на вахтовые работы «на северах» и в Сибири²¹.

Важным для оценки тенденций развития отходничества и заслуживающим особого внимания представляется нам факт высокой степени консервативности видов отхожих промыслов в традиционных отходнических территориях. Современные отходники «вспомнили» не только дедовы промыслы, они воспроизвели и основные профессии, бывшие характерными для этих мест сто и более лет назад. Так, отходники Кологрива, Чухломы и Солигалича в Костромской области, как и городов Архангельской и Вологодской областей, основным видом отхожего промысла выбрали строительство деревянных домов, а жители прежних территорий неземледельческого сезонного (зимний извоз, летнее бурлачество и т.п.) или

²⁰ Доля бюджетников в составе занятого в экономике района населения обычно достигает 40%, а кое-где даже 60–70%, т.е. без учета незанятого в экономике.

²¹ Однако, зафиксировав это явление в виде наблюдения, из-за отсутствия эмпирических данных мы не можем даже примерно оценить ее региональные масштабы; здесь необходимо специальное исследование.

земледельческого отхода в Мордовии, Чувашии, Рязанской, Орловской областях – из Касимова, Темникова, Ардатова, Алатыря, Дмитрова – в большинстве своем нанимаются в услуги (охранниками и в торговлю). Этот факт заставляет нас в который уж раз утверждаться в мысли (вполне не эволюционной, не прогрессивной), что общество содержит в себе не только память о всем бывшем развитии, но сохраняет в качестве потенциала все прежде развитые и как будто отжившие уже формы и способы жизни; по необходимости, в случае нужды, общество воссоздает такие формы, память о которых, кажется, уже давно стерлась.

Мы прослеживаем (конечно, основываясь лишь на имеющихся у нас наблюдениях) диверсификацию современного отходничества по немногим, возможно, только трем-четырем направлениям. В первом случае – когда отходник предлагает на рынок конкурентоспособный местный ресурс, способный быть полученным и переработанным им самостоятельно – он выступает на рынке в качестве отходника в полном смысле этого слова: в качестве инициативного, самостоятельного и самозанятого работника. Во втором и третьем случаях – когда отходник предлагает на рынке квалифицированный труд или только свои руки – он ничем не отличается от наемного работника, оставаясь отходником только по одному-двум дифференцирующим основаниям: по признакам самостоятельного поиска работы и дальней возвратной трудовой миграции. Поэтому таких трудовых мигрантов чаще и считают просто вахтовиками или «шабашниками», поэтому они и не воспринимают себя в качестве отходников, тогда как представители первой категории прекрасно осознают преимущество своей деятельности с отходничеством прошлых веков. Возможная четвертая категория отходников – пребывание в качестве «вербованного» профессионала, вахтовика – устанавливается нами по признаку инициативного поиска человеком вахтовых видов работ, наем не по оргнабору, а по собственной воле.

Можно предположить, что тенденции ближайшего развития этого вида трудовой миграции будут заключаться в углублении профессиональной специализации и в дальнейшем нарастании масштабов отхожей активности, поскольку она все шире захватывает не только города, но и сельскую местность, и превратилась в провинции в наиболее доходную деятельность.

Социальное и политическое значение современного отходничества

Мы уже говорили, что отходничество – это не просто вид трудовой миграции, но именно в силу целей такой миграции это особый образ жизни, ставший привычным для огромного числа людей. Эти люди в одном месте работают и живут при работе (или на работе), но настоящая их жизнь протекает совсем в другом месте: там хозяйство, семья, друзья и соседи; там они отдыхают и сажают картошку, учат детей и ходят «на зеленку». В этой настоящей жизни одни отходники пребывают недолго, а основное время своей активной жизни они проводят в отходе, но немало и таких, кто распределяет время в отходе и дома поровну. Такой «распределенный» образ жизни, который уже два десятилетия ведут множество людей, еще совсем недавно, в советские годы, был участью лишь немногих. И до сих пор такой образ жизни чужд и вовсе незнаком большинству жителей крупных городов и столиц. Потому-то он все еще кажется настолько редким и непривычным, что не обсуждается на страницах научных журналов и монографий, хотя этот образ

жизни давно стал обыденностью для миллионов мужчин и женщин в стране. Этот неприглядный способ жизни не привлекал и внимание ученых, но когда форму «распределенной» жизни стали примерять на себя горожане-дачники, обзаведшиеся жилыми домами в далеких городках и селениях, контаминация этих двух полярно направленных, но сходных хотя бы по сезонности и массовости потоков вызвала к жизни и исследовательский интерес (см. особенно: [Нефедова 2012]).

Мы анализируем не сам по себе «распределенный» образ жизни, а вызываемые им последствия как для семьи и ее членов, так и для местного общества. Хотя по большей части в результате отхожей деятельности благосостояние семьи растет, и провинциальные жители способны удовлетворить самые разнообразные потребности столь же успешно, как и жители столиц, но столь же существенными оказываются и побочные экономическим последствия: для жен и мужей – одни, и далеко не всегда благоприятные, для детей – другие, большей частью перспективные, а для самих семей нередко катастрофические.

Отходники невольно для себя несут изменения и местному обществу, аналогично тому, как это происходило в конце XIX в. [Весин 1886; Burds 1998; Смурова 2003; Смурова 2008]. Они предлагают новые стереотипы потребления и поведения, новые стандарты «лучшей жизни» Города. Сейчас отходники достаточно явно отличаются от своих соседей по улице не только признаками благополучия – качеством автомашин и отделкой домов, видом заборов и цветников – но и внешним видом и даже поведением, а с некоторых пор и структурой семейных расходов, где немалая доля тратится на обучение и досуг. Их соседи уже перенимают привлекательные стандарты потребления; и мы наблюдаем, как малые города и селения на наших глазах достаточно быстро меняют облик под влиянием новых веяний, принесенных из Города отходниками.

Однако мы полагаем, что такая «культуртрегерская» роль новых отходников в наше время не столь существенна по сравнению с имперскими временами, особенно после успешного советского опыта «выравнивания различий». Тем не менее не следует недооценивать значение нынешних отходников в размывании солидарной целостности многих местных обществ. Отходник и его семья, вынужденные по ряду формальных позиций занять маргинальное положение в местном обществе, сами начинают тяготиться этой солидарностью, тем более что членами такой семьи частью утрачиваются преференции «своего». Отходники, по нашему мнению, в каком-то смысле поневоле становятся дезинтеграторами процессов естественной самоорганизации общества. Своим образом жизни, своей деятельностью, протекающей вне местного общества, вследствие начавшегося, пока еще незаметного процесса постепенного вытеснения их «на обочину», отходники и их семьи в большей степени становятся обитателями Города, а не своего городка и села. И здесь они неожиданно находят единомышленников в точно таком же статусе – сезонных дачников-горожан. Несмотря на свою социальную пассивность и сезонность, «столичных» дачников стало много в малых городах европейской России и они «берут свое» хотя бы численностью (чаще – лучшим, сравнительно с местными, знанием своих прав и возможностей). Невольно соединив усилия, две эти группы – семьи отходников, становящиеся чужими и дачники, становящиеся своими, – умножают свое преобразующее (разрушительное?) воздействие на местное общество. Нынешнее провинциальное местное общество уже не то, что было даже в поздние советские годы: погружаясь в него, со временем начинаешь ощущать, что массовые группы «не своих»

и «своих»), оттесняемых на край (семей горожан и отходников), начинают с большей настойчивостью диктовать местному обществу свои представления о «правильном» и «должном». Мы видим все отчетливее, что отходники и горожане-дачники лучше понимают друг друга и легче вступают во взаимодействие, чем отходники и их соседи. Отходники, таким образом, становятся новым фактором общественной нашей жизни, действующим повсеместно, но локально.

Более важным представляется значение этой категории людей в политической жизни страны. Здесь мы можем высказывать только предположения, основой для которых служит факт «невидимости» отходников – и как экономической активной категории населения, и, в большей степени, как общественного явления – для публичной власти. Мы достаточно много обсуждали этот непростой и неясный вопрос [Плюснин 1999; Плюснин, Кордонский, Скалон 2009; Плюснин, Заусаева, Жидкевич, Позаненко 2013], поэтому в данной статье обратимся лишь к некоторым вероятным следствиям.

Как люди по природе своей активные, отходники обладают и достаточно высоким потенциалом политической активности (особенно отходники-предприниматели). Но при этом препятствием реализации высокого потенциала выступает низкий общественно-политический статус этих людей в местном обществе. Иначе говоря, отходники пользуются признанием и уважением как местные жители, но поскольку по большей части их нет дома, нет на месте, их имена не на слуху в общественной жизни, да и реально они в ней не участвуют. Несмотря на заявляемую многими отходниками довольно высокую электоральную активность, мы знаем буквально единицы среди тех, кто принимает реальное участие в деятельности местных органов публичной власти, и никого – среди действующих чиновников, кто был бы прежде отходником или, напротив, стал отходником, уйдя с государственной или муниципальной службы. Отходники не просто вне власти, «вне государства», – они не нужны власти и не видимы ею, их экономическая предприимчивость стеснена властью, а общественно-политическая инициатива полностью подавлена образом их жизни. В каких сферах и как могут проявить себя эти люди, не станут ли нынешние отходники вновь деструктивным фактором общественной жизни в случае ее изменений, как это произошло столетие назад, когда вернувшиеся в деревню отходники, наряду с дезертирами в городах, оказались тем «мясом революции», который обеспечил ожидаемый успех (см. об этом, напр.: [Ленин 1971; Суханов 1913]) радикальных социально-политических преобразований в России?

Хотя мы наблюдаем предвестники многих негативных процессов, у нас есть надежда на отрицательный ответ. Поводом тому служат два факта, резко отличающие современных отходников от их исторических предшественников. До сих пор значительная часть отходников имеет высокий квалификационный уровень; среди них пока еще не так много людей без квалификации, без профессии. И если мы не будем наблюдать в ближайшие годы процесса расширения отходничества за счет неквалифицированных работников, мы можем быть уверены, что отходники как несостоявшиеся предприниматели реализуют свой потенциал в экономике, а не в политике. Второй позитивный факт состоит в неоднократно отмечавшейся нами мотивации отходников на повышение благосостояния семьи: они идут в отход не от нужды, а с намерением обеспечить своим семьям, своим детям завидный уровень жизни. Такие люди столь же мало склонны к разрушению основ, как и умелые профессионалы. А чтобы поддержать нынешнее состояние отходничества –

достойный уровень квалификации многих и стремление к высокому уровню потребления всех – достаточны усилия консервирующего характера и реальное содействие реализации того предпринимательского потенциала, который несут в себе многие из отходников и который они будут готовы проявить, едва только сократятся многочисленные выстраиваемые государством (прежде всего административные) барьеры.

Литература

- Александров Н.М. (2012) Влияние отхожих промыслов на социально-демографическое развитие пореформенной деревни (по материалам Верхнего Поволжья) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. № 2. С. 333–343.
- Алимова Т.А., Ченина А.В., Чепуренко А.Ю. (2011) Экономический кризис и предпринимательская активность населения России: открывать свое дело или выходить из бизнеса? // Мир России. № 2. С. 142–160.
- Андрюшин Е.А. (2012) Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф. С. 205–232.
- Ахсянов А.В. (2013) Отхожие промыслы крестьян Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX века: побудительные мотивы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 2. С. 5–10.
- Бараненкова Т. (2012) Трансформация «отходничества» в России: от века XIX к веку XXI // Вестник Института экономики РАН. № 1. С. 106–116.
- Барсукова С.Ю. (2000) Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России // Мир России. № 1. С. 52–68.
- Барсукова С.Ю., Радаев В.В. (2012) Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. № 2. С. 99–111.
- БСЭ (Большая Советская энциклопедия). Отходничество // <http://bse.sci-lib.com/article085855.html>
- Буркин С.А. (1978) Численность отходников в России в конце XIX в. // Вопросы истории № 9. С. 201–209.
- В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда (2014). Под ред. В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшников. М.: НИУ ВШЭ.
- Варб Е. (1898) Скитания сельскохозяйственных рабочих. М.
- Варшавская Е.Я., Донова И.В. (2013) Неформальный наем в корпоративном секторе (где и чем заняты те, кого не видно сверху) // Мир России. № 4. С. 148–173.
- Ведомость о свидетельствах и билетах, выданных на право торговли и промыслов в ... - СПб, ежегодные издания. 1881–1887 и далее.
- Великий П.П. (2009) Неотходничество или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. № 9. С. 44–49.
- Весин Л. (1886) Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. № 7. С. 102–124.
- Весин Л. (1887) Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. № 2. С. 102–124.
- Вишневский А.Г. (1998) Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ.
- Владимирский Н.Н. (1927) Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома: Издание Костромского губстатотдела.
- Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. (2004) Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М.: ИРИ РАН.
- Волин В.М. (2005) Неизвестная революция. 1917–1920 гг. М.: Праксис.
- Воронцов В.П. (1892) Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб.

- Габелко М.В., Мурзачева Е.И., Алимова Т.А., Чепуренко А.Ю., Образцова О.И., Демьянова Ю.В., Ченина А.В. (2010) Предпринимательская активность россиян в условиях кризиса // Мир перемен. № 3. С. 147–162.
- Гиндин Я. (1925) Наш хозяйственный подъем и новые задачи регулирования рынка труда // Вопросы труда. № 11. С. 38–44.
- Давыдов М. (2007) Столыпинская аграрная реформа: замысел и реализация // Полит.ру // <http://www.polit.ru/article/2007/02/08/davydov>
- Давыдов М. (2012) «Голодный экспорт» в истории Российской империи // Полит.ру // <http://www.polit.ru/article/2012/06/26/hunger>
- Данилов В.П. (1974) Крестьянский отход на промыслы в 1920-х гг. // Исторические записки. М.: Наука. С. 55–122.
- Дятлов В.И. (2010) Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Полития. № 3–4. С. 121–149.
- Езерский Н. (1894) Кустарная промышленность и ее значение в народном хозяйстве. М.
- Жидкевич Н.Н. (2013) Социальный портрет современного отходника нижегородского Заволжья // Регион в период модернизации: социальные институты. Материалы I I Международной научно-практической конференции, 5 апреля 2013 г. Науч. ред.: Д.А. Шпилев. Н.-Новгород : Издательство НИСОЦ. С. 118–121.
- Жидкевич Н.Н. (2014) Региональные различия внутренней возвратной трудовой миграции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 1. С. 111–120.
- Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Флоринская Ю.Ф. (2011) Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше. Серия специальных докладов. М.: Макс Пресс.
- Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. (2007) Внутренняя миграция в России: правовая практика // Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Серия «Миграционная ситуация в регионах России». Вып. 4. М.
- Зиновьев А.А. (1998) Русская судьба. Исповедь отщепенца. М.: Центрполиграф.
- Казаринов Л. (1926) Отхожие промыслы Чухломского уезда. Чухлома.
- Карышев Н.А. (1896) К изучению наших отхожих промыслов // Русское богатство. № 7. С. 1–24.
- Качоровский К.Р. (1900) Русская община. СПб.
- Кириллов Л.А. (1899) К вопросу о вземземеделельском отходе крестьянского населения. СПб.
- Кордонский С.Г. (2008) Сословная структура постсоветской России (Часть I) // Мир России. № 3. С. 37–66.
- Кордонский С.Г. (2010) Россия – Поместная Федерация. М.: Издательство «Европа».
- Курцев А.Н. (1982) Миграция центрально-черноземного крестьянства в капиталистической России (по материалам Курской губернии). Курск.
- Кюстер Х. (2012) История леса. Взгляд из Германии. М.: НИУ ВШЭ.
- Лаппо Г.М. (2012) Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф.
- Ленин В.И. (1971) Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. Т. 3 М.: Изд-во политической литературы.
- Ленский Б. (1877) Отхожие неземземеделельские промыслы в России // Отечественные записки. № 12. С. 207–258.
- Максимов С.В. (1901) Год на Севере. Спб.
- Малева Т.М. (1998) Российский рынок труда: парадигмы и парадоксы // Государственная и корпоративная политика занятости. Под ред. Т.М. Малевой. М.: Московский Центр Карнеги. С. 10–35.
- Минц Л.Е. (1926) Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М.: Вопросы труда.
- Минц Л.Е. (1929) Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.-Л.: ГИЗ.
- Моллесон И.И. (1901) Краткий очерк некоторых данных об отхожих промыслах Тамбовской губернии в 1899 году. Тамбов.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (ред.) (2006) Нестандартная занятость в российской экономике. М.: ГУ ВШЭ.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2010) Города и веси: поляризованное пространство России. Демоскоп Weekly // <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema01.php>

- Нефедова Т.Г. (2012) Горожане и дачи // Отечественные записки. № 3(48). С. 204–215.
- Никулин В.Н. (2010) Неземледельческие отхожие промыслы крестьян Петербургской губернии в пореформенный период // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 2. С. 272–283.
- Перепелицын А.В. (2005) Крестьянские промыслы в центрально-черноземных губерниях России в пореформенный период. Воронеж: ВГПУ.
- Плюснин Ю.М. (1997) Психология материальной жизни (парадоксы сельской «экономики выживания») // ЭКО. № 7. С. 169–176.
- Плюснин Ю.М. (1999) Жизнь вдали от государства // ЭКО. № 12. С. 117–126.
- Плюснин Ю.М. (2001) Малые города России. М.: МОНФ.
- Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А. (2009) Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013) Отходники. М.: Новый хронограф.
- Подсобные к земледелию промыслы и производства (1903). Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Сост. Н.В. Пономарев. СПб.
- Пономарев Н.В. (1896) О передвижении сельскохозяйственных рабочих, направляющихся в юго-восточные местности России. СПб.
- Ремнев А.В., Суворова Н.Г. (2010) Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // Политика. № 3–4. С. 150–191.
- Руднев С.Ф. (1) (1894) Промыслы крестьян в Европейской России // Сборник Саратовского земства. № 6. С. 189–222. -
- Руднев С.Ф. (2) (1894) Промыслы крестьян в Европейской России // Сборник Саратовского земства. № 11. С. 421–463.
- Рындзюнский П.Г. (1970) Крестьянский отход и численность сельского населения в 80-х годах XIX в. // Проблемы генезиса капитализма. М.: Наука. С. 413–435.
- Саблин В.А. (2008) Промыслы и промысловый доход в крестьянском хозяйстве Европейского Севера в 1910-е – 1920-е годы // Северо-Запад в аграрной истории России. Под ред. В.Н. Никулина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта. С. 218–233.
- Селиванов В.В. (2011) Год русского земледельца: зарисовки из крестьянского быта. Зарайский уезд Рязанской губернии. М.: Книжный дом «Либроком».
- Синявская О.В. (2005) Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика. Научные проекты Независимого института социальной политики. М.: Поматур.
- Скалон В. (2011) Неучтенные потоки // Эксперт. № 10 (744). С. 44–46 // <http://expert.ru/expert/2011/10/neuchtennyie-potoki/>
- Смурова О.В. (2003) Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на трансформацию культурной традиции в 1861–1914 гг.: по материалам Санкт-Петербурга и Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний. Кострома: Изд-во КГТУ.
- Смурова О.В. (2006) Воспитание и обучение детей крестьян-отходников в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Педагогика. № 2. С. 96–100.
- Смурова О.В. (2007) Профессиональные группы крестьян-отходников, работавших в столицах (вторая половина XIX – начало XX в.) // Научный вестник Костромского государственного технологического университета. № 2. С. 39–42.
- Смурова О.В. (2008) Между городом и деревней: (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX–нач. XX вв.). Кострома: Изд-во КГТУ.
- Суханов Н.Н. (1913) К характеристике российского пролетариата // Современник. № 4. С. 320–328.
- Тихонов Б.Н. (1978) Переселения в России во 2-й половине XIX в. М.: Наука.
- Трейвиш А.И. (2009) Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф.
- Урри Дж. (2012) Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: НИУ ВШЭ.
- Федоров А.Н. (2010) Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917–1920 годах (на материалах Цен-

- трального Промышленного района) // Журнал исследований социальной политики. № 1. С. 69–86.
- Флеров В.Н. (2008) Хроника жизни села Контеево. Кострома.
- Чепуренко А.Ю. (2008) Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM // Мир России. № 2. С. 22–40.
- Шабанова М.А. (1986) Сезонные строители в сибирском селе // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Сер. «Экономики и прикладной социологии». Новосибирск. № 7. С. 48–57.
- Шабанова М.А. (1) (1992) Отходничество и рынок рабочей силы // Регион: экономика и социология. Новосибирск. С. 29–39.
- Шабанова М.А. (2) (1992) Современное отходничество как социокультурный феномен // Социологические исследования. № 4. С. 55–63.
- Шанин Т. (ред.) (1999) Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос.
- Burds J. (1998) Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905. Pittsburgh (PA): Univ. Pittsburgh Press.
- Чепуренко А. (2010) Small Entrepreneurship and Entrepreneurial Activity of Population in Russia in the Context of Economic Transformation // Historical Social Research, no 35 (2), pp. 301–319.
- Чепуренко А. (2014) Informal Entrepreneurship Under Transition: Causes and Specific Features // Soziologie des Wirtschaftlichen: Alte und neue Fragen. Springer Verlag, pp. 361–381.
- Plusnin J.M., Slobodskoy-Plusnin J.J. (2013) Local Government and Small Business: Mismatch of Expectation. Basic research Program. Working papers. Series: Public Administration. – WP BRS 04/PA/2013. Moscow: HSE.
- Plusnin Yu. (2001) The New or the Same Old Russia? // Russian Fate through the Russian View. Boulder Press, pp. 1–31.

Благодарности

Текст подготовлен на основе материалов полевого исследования отходничества, проводившегося нами в 2010–2014 гг. по проектам, осуществлявшимся на пожертвования Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники»: «Отходники в малых городах России» (2011–2012, руководитель Ю.М. Плюснин), «Социальный портрет современного российского отходника» (2012–2014, руководитель Н.Н. Жидкевич). Авторы выражают признательность руководству фонда за предоставленные финансовые возможности получения материалов для исследования.

Частично эти исследования финансировались и в рамках исследований по двум другим проектам: гранта Научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» № 11-01-0063 «Станет ли экономически активное население союзником муниципальной власти? Анализ нарушений в системе взаимосвязей институтов местного общества и власти» и гранта Российского гуманитарного научного фонда № 11-03-18022е «Отходники в малых городах».

Seasonal Work (Otkhodnichestvo) as a New Social Phenomenon in Modern Russia²²

Ju. PLUSNIN*, A. POZANENKO**, N. ZHIDKEVICH***

***Juri Plusnin** – Professor, Department of Local Administration, Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: jplusnin@hse.ru

****Artemiy Pozanenko** – Analyst, Project and Educational Laboratory for Municipal Administration, Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: arpozanen@mail.ru

*****Natalia Zhidkevich** – Analyst, Project and Educational Laboratory for Municipal Administration, Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: natalia.zhidkevich@gmail.com

Citation: Plusnin Ju., Pozanenko A., Zhidkevich N. (2015) Seasonal Work (Otkhodnichestvo) as a New Social Phenomenon in Modern Russia. *Mir Rossii*, vol. 24, no 1, pp. 35–71 (in Russian)

Abstract

The article presents the results of an investigation into the life and social standing of a particular new group in Russia: seasonal workers (otkhodniks). Being a seasonal worker (otkhodnik) is a special form of labour migration, i.e. the proactive go-and-return (seasonal) migration of inhabitants of smaller towns and rural villages to capital cities and industrial areas. The authors provide a rough estimate of the scale of this phenomenon, and describe the trends in its development. It is estimated that no less than 15-20 million of Russians do seasonal work (otkhodnichestvo) with at least one in three families in the Russian provinces living on income derived from these occupations, the economic activity of which is not registered by official statistics. Seasonal work (otkhodnichestvo) re-emerged in the mid 1990s in the smaller towns of the European part of Russia, but nowadays it also covers rural areas and extends throughout the country. External occupations include both small ‘shadow’ businesses (primarily in the northern regions), and ‘shadow’ employment in the service sector (more typical for the central and southern regions).

Contemporary seasonal work (otkhodnichestvo) is more than just a new model for coping and survival, and it is regarded as a new social and political phenomenon. For instance, since seasonal workers (otkhodniks) mostly work in the ‘shadow segment’ of the economy, they are also forced to lead a covert way of life. They are rarely involved in public life, even though, paradoxically, they are usually the most active members of their local communities. As a result it affects the character of relations both in the private sphere (i.e. affecting family, friends and neighbours) and the public sphere (i.e. relations with local public institutions and the state). Seasonal workers (otkhodniks) also bring

²² Otkhodnichestvo is the special form of labor migration – proactive domestic go-and-return (seasonal) migration of inhabitants of small towns and villages to the capital cities and industrial areas.

new cultural stereotypes which may be new to the local community (acting as contemporary kulturtragers), and even form the basis for new political relations at the local community level.

Keywords: labour migration, seasonal work (otkhodnichestvo), domestic labour migrants, seasonal workers (otkhodniks), sustenance methods (models), “distributed” way of life, “shadow” economy, political activity, provincial society

References

- Akhshyanov A.V. (2013) Otkhozhie promysly krest'yan Yaroslavskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: pobuditel'nye motivy [External Occupations Practised by Peasants of the Yaroslavl Province in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries: Driving Factors]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no 2, pp. 5–10.
- Aleksandrov N.M. (2012) Vliyanie otkhozhikh promyslov na sotsial'no-demograficheskoe razvitiye poreformennoi derevni (po materialam Verkhnego Povolzh'ya) [Impact of External Occupations on the Social and Demographic Development of the Post-Reform Village (Based on Materials from the Upper Volga Region)]. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*, no 2, pp. 333–343.
- Alimova T.A., Chenina A.V., Chepurenko A.Yu. (2011) Ekonomicheskii krizis i predprinimatel'skaya aktivnost' naseleniya Rossii: otkryvat' svoyo delo ili vykhodit' iz biznesa [Entrepreneurial Activity of the Russian Population under Crisis: to Start or to Discontinue?]. *Mir Rossii*, vol. 20, no 2, pp. 142–160.
- Andryushin E.A. (2012) *Iz istorii trudovogo zakonodatel'stva SSSR i politiki sovetskogo pravitel'stva v oblasti trudovykh resursov* [From the History of the USSR Labor Law and Human Resource Policy of the Soviet Government], Moscow: Novyi khronograf.
- Baranenkova T. (2012) Transformatsiya «otkhodnichestva» v Rossii: ot veka XIX k veku XXI [Transformation of Otkhodnichestvo in Russia: From the 19th to the 21st Century]. *Vestnik instituta ekonomiki RAN*, no 1, pp. 106–116.
- Barsukova S.Yu. (2000) Neformal'naya ekonomika i setevaya organizatsiya prostranstva v Rossii [Informal Economy and Networking in Russia]. *Mir Rossii*, vol. 9, no 1, pp. 52–68.
- Barsukova S.Yu., Radaev V.V. (2012) Neformal'naya ekonomika v Rossii: kratkii obzor [Informal Economy in Russia: Brief Overview]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 13, no 2, pp. 99–111.
- Burds J. (1998) *Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905*, Pittsburgh (PA): Univ. Pittsburgh Press.
- Burkin S.A. (1978) Chislennost' otkhodnikov v Rossii v kontse XIX v. [The Number of Otkhodniks in Russia at the End of the 19th Century]. *Voprosy istorii*, no 9, pp. 201–209.
- Chepurenko A. (2008) Rannee predprinimatel'stvo v Rossii: promezhutochnye rezul'taty GEM [Early Entrepreneurship in Russia: Interim GEM Findings]. *Mir Rossii*, no 2, pp. 22–40.
- Chepurenko A. (2010) Small Entrepreneurship and Entrepreneurial Activity of Population in Russia in the Context of Economic Transformation. *Historical Social Research*, no 35 (2), pp. 301–319.
- Chepurenko A. (2014) Informal Entrepreneurship Under Transition: Causes and Specific Features. *Soziologie des Wirtschaftlichen: Alte und neue Fragen*, Springer: Verlag, pp. 361–381.
- Danilov V.P. (1974) Krest'yanskii otkhod na promysly v 1920-kh gg. [Engagement of Peasants in External Wage Earning in the 1920-s]. *Istoricheskie zapiski*, Moscow: Nauka, pp. 55–122.

- Davydov M. (2007) Stolypinskaya agrarnaya reforma: zamysel i realizatsiya [The Stolypin Land Reform: Concept and Implementation]. *Polit.ru*. Available at: www.polit.ru/article/2007/02/08/davydov, accessed 10 August 2014.
- Davydov M. (2012) «Golodnyi eksport» v istorii Rossiiskoi imperii [“Hungry Export” in the History of the Russian Empire]. *Polit.ru*. Available at: <http://www.polit.ru/article/2012/06/26/hunger>, accessed 20 September 2014.
- Dyatlov V.I. (2010) Transgranichnye migranty v sovremennoi Rossii: dinamika formirovaniya stereotipov [Cross-Border Migrants in Modern Russia: Dynamics of Forming Stereotypes]. *Politiya*, no 3–4 (58–59), pp. 121–149.
- Ezerskij N. (1894) *Kustarnaya promyshlennost' i eyo znachenie v narodnom khozyaistve* [Handicraft Industry and its Role in the Economy], Moscow.
- Flerov V.N. (2008) *Khronika zhizni sela Konteevo* [Konteevo Village Life Chronicles], Kostroma.
- Fyodorov A.N. (2010) Real'naya opora sovetской vlasti: sotsial'no-demograficheskie kharakteristiki gorodskogo naseleniya Rossii v 1917–1920 godakh (na materialakh Tsentral'nogo Promyshlennogo rayona) [Real Pillar of the Soviet Power: Social and Demographic Features of Russia's Urban Population in 1917–1920 (Based on the Materials from the Central Industrial Region)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 8, no 1, pp. 69–86.
- Gabelko M.V., Murzachyova E.I., Alimova T.A., Chepurenko A.Yu., Obratsova O.I., Dem'yanova Yu.V., Chenina A.V. (2010) Predprinimatel'skaya aktivnost' rossiyan v usloviyakh krizisa [Russians' Entrepreneurial Activity in Times of Crisis]. *Mir peremen*, no 3, pp. 147–162.
- Gindin Ya. (1925) Nash khozyaistvennyi pod'yom i novye zadachi regulirovaniya rynka truda [Our Economic Growth and New Tasks Facing Labor Market Regulation]. *Voprosy truda*, no 11, pp. 38–44.
- Kachorovskii K.R. (1900) *Russkaya obshchina* [The Russian Community], Saint-Petersburg.
- Karyshev N.A. (1896) K izucheniyu nashikh otkhozhikh promyslov [On the Study of Our External Occupations]. *Russkoe bogatstvo*, no 7, pp. 1–24.
- Kazarinov L. (1926) *Otkhozhie promysly Chukhlomskogo uезда* [External Occupations of the Chukhloma District], Chukhloma.
- Kirillov L.A. (1899) *K voprosu o vnezemledel'cheskom otkhode krest'yanskogo naseleniya* [Regarding Temporary Non-Agricultural External Employment of the Peasant Population], Saint-Petersburg.
- Kordonsky S.G. (2008) Soslovnaya struktura postsovetской Rossii (Chast' I) [Social Estates in Post-Soviet Russia (Part I)]. *Mir Rossii*, no 2, pp. 37–66.
- Kordonsky S.G. (2010) *Rossiya – Pomestnaya Federatsiya* [Russia – a Manorial Federation], Moscow: Izdatel'stvo “Evropa”.
- Kuester H. (2012) *Istoriya lesa. Vzglyad iz Germanii* [History of the Forest. View from Germany], Moscow: HSE.
- Kurtsev A.N. (1982) *Migratsiya tsentral'no-chernozemnogo krest'yanstva v kapitalisticheskoy Rossii (po materialam Kurskoj gubernii)* [Peasant Migration in Capitalist Russia: Central Chernozem (black soil) Regions (Based on Materials from the Kursk Province)], Kursk.
- Lappo G.M. (2012) *Goroda Rossii. Vzglyad geografa* [Russian Towns. Geographer's View], Moscow: Novyi khronograf.
- Lenin V.I. (1971) *Razvitie kapitalizma v Rossii. Protseess obrazovaniya vnutrennego rynka dlya krupnoj promyshlennosti* [The Development of Capitalism in Russia. The Process of the Formation of a Home Market for Large-Scale Industry], Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Lenskii B. (1877) Otkhozhie nezemledel'cheskie promysly v Rossii [Non-Agricultural External Occupations in Russia]. *Otechestvennye zapiski*, no 12, pp. 207–258.
- Maksimov S.V. (1901) *God na Severe* [A Year in the North], Saint-Petersburg.
- Maleva T.M. (1998) Rossiiskii ryok truda: paradigmy i paradoksy [The Russian Labor market: Paradigms and Paradoxes]. *Gosudarstvennaya i korporativnaya politika zanyatosti* [Government and Corporate Employment Policy] (ed. Maleva T.M.), Moscow: Moskovskii tsentr Carnegie, pp. 10–35.
- Mints L.E. (1926) *Otkhod krest'yanskogo naseleniya na zarabotki v SSSR* [Engagement of Peasants in External Wage Earnings in the USSR], Moscow: Voprosy truda.

- Mints L.E. (1929) *Agrarnoe perenaselenie i rynek truda v SSSR* [Agrarian Overpopulation and the Labor Market in the USSR], Moscow-Leningrad: GIZ.
- Molleson I.I. (1901) *Kratkii ocherk nekotorykh dannykh ob otkhozikhk promyslakh Tambovskoi gubernii v 1899 godu* [Brief Overview of External Occupations in the Tambov Province in 1899], Tambov.
- Nefyodova T. (2012) Gorozhane i dachi [City Dwellers and Dachas]. *Otechestvennye zapiski*, no 3(48), pp. 204–215.
- Nefyodova T.G., Trejvish A.I. (2010) Goroda i vesi: polarizovannoe prostranstvo Rossii [Cities and Countries: the Polarized Space in Russia]. *Demoskop weekly*, no 437–438. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema01.php>, accessed 19 Mars 2014.
- Nestandartnaya zanyatost' v rossiiskoi ekonomike* (2006) [Non-Standard Employment in the Russian Economy] (eds. Gimpel'son, Kapelyushnikov R.I.), Moscow: HSE.
- Nikulin V.N. (2010) Nezemledel'cheskie otkhoznie promysly krest'yan Peterburgskoi gubernii v poreformennyi period [Non-Agricultural External Occupations of Peasants of the St. Petersburg Province in the Post-Reform Period]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no 2, pp. 272–283.
- Perepelitsyn A.V. (2005) *Krest'yanskii promysly v tseentral'no-chernozemnykh guberniyakh Rossii v poreformennyi period* [Peasant Crafts in the Russian Central Chernozem Regions in the Post-Reform Period], Voronezh: VGPU.
- Plusnin J.M. (1997) Psihologiya material'noi zhizni (paradoksy sel'skoi «ekonomiki vyzhivaniya») [Psychology of Material Life (Rural 'Survival Economy' Paradoxes)]. *EKO*, no 7, pp. 169–176.
- Plusnin J.M. (1999) Zhizn' vdali ot gosudarstva [Life Away from the State]. *EKO*, no 12, pp. 117–126.
- Plyusnin Yu. (2001) The New or the Same old Russia? *Russian Fate through the Russian View*, Boulder Press, pp. 1–31.
- Plusnin J.M. (2001) *Malye goroda Rossii* [Russian Small Towns], Moscow: MONF.
- Plusnin J.M., Kordonsky S.G., Skalon V.A. (2009) *Munitsipal'naya Rossiya: obraz zhizni i obraz mysley* [Municipal Russia: Modus Vivendi and Modus Cogitandi. An Exercise in Phenomenological Research], Moscow.
- Plusnin J.M., Slobodskoy-Plusnin J.J. (2013) *Local Government and Small Business: Mismatch of Expectation*. Working paper WP BRS 04/PA/2013, Moscow: HSE.
- Plusnin J.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013) *Otkhoniki* [Otkhodniks (Wandering workers)], Moscow: Novyi khronograf.
- Podsobnye k zemledeliyu promysly i proizvodstva. Svod trudov mestnykh komitetov po 49 guberniyam Evropeiskoi Rossii* (1903) [Ancillary Agricultural Crafts and Industries. Collected Works of Local Committees from 49 provinces of European Russia], Saint-Petersburg.
- Ponomaryov N.V. (1896) *O peredvizhenii sel'skokhozyastvennykh rabochikh, napravlyayushchikhsya v yugo-vostochnye mestnosti Rossii* [Concerning the Migration of Agricultural Workers to Russia's Southeast Areas], Saint-Petersburg.
- Remnev A.V., Suvorova N.G. (2010) Upravlyaemaya kolonizatsiya i stikhiinye migratsionnye protsessy na aziatskikh okrainakh Rossiiskoi imperii [Controlled Colonization and Spontaneous Migration Processes on Asian Peripheries of Russian Empire]. *Politiya*, no 3–4 (58–59), pp. 150–191.
- Rudnev S.F. (1) (1894) Promysly krest'yan v Evropejskoj Rossii [Crafts Practiced by Peasants in the European Part of Russia]. *Sbornik Saratovskogo zemstva*, no 6, pp. 189–222.
- Rudnev S.F. (2) (1894) Promysly krest'yan v Evropejskoj Rossii [Crafts Practiced by Peasants in the European Part of Russia]. *Sbornik Saratovskogo zemstva*, no 11, pp. 421–463.
- Ryndzyunskii P.G. (1970) Krest'yanskii otkhod i chislenost' sel'skogo naseleniya v 80-kh godakh XIX v. [Engagement of Peasants in External Wage Earnings and the Size of the Rural Population in the 1880-s]. *Problemy genezisa kapitalizma* [The Problems of Capitalism Genesis], Moscow: Nauka, pp. 413–435.
- Sablin V.A. (2008) Promysly i promyslovyi dokhod v krest'yanskom khozyaistve Evropeiskogo Severa v 1910-e – 1920-e gody [Crafts and Income Therefrom in a Peasant Household in Russia's European North in 1910's – 1920's]. *Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii*

- [North-West Region in the Agrarian History of Russia], Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, pp. 218–233.
- Selivanov V.V. (2011) *God russkogo zemledel'tsa: Zarisovki iz krest'yanskogo byta. Zарајskij uезд Ryazanskoj gubernii* [Year of the Russian Peasant: Sketches of Rural Life. Zарајsk District (Uyezd), Ryazan Province], Moscow: Knizhnyi dom «Librokom».
- Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii* (2008) [The North-West in the Agricultural History of Russia] (ed. Nikulin V.N.), Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta.
- Shabanova M.A. (1986) Sezonnnye stroiteli v sibirskom sele [Seasonal Builders in Siberian Villages]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR*, no 7, vol. 2, pp. 48–57.
- Shabanova M.A. (1) (1992) Otkhodnichestvo i rynek rabochii sily [Otkhodnichestvo and the Labor Market]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, no 2, pp. 29–39.
- Shabanova M.A. (2) (1992) Sovremennoe otkhodnichestvo kak sotsiokul'turnyi fenomenon [Contemporary Otkhodnichestvo as a Sociocultural Phenomenon]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 55–63.
- Shanin T. (1999) *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal Economy. Russia and the World], Moscow: Logos.
- Sinyavskaya O.V. (2005) *Neformal'naya zanyatost' v sovremennoi Rossii: izmerenie, masshtaby, dinamika* [Informal Employment in Contemporary Russia: Measurement, Scale, Dynamics]. Working Paper WP/2005/01, Moscow: Pomatur.
- Skalon V. (2011) Neuchtyonnye potoki [Unrecorded Flows]. *Ekspert*, no 10 (744), pp. 44–46. Available at: <http://expert.ru/expert/2011/10/neuchtennyie-potoki/>, accessed 17 June 2014.
- Smurova O.V. (2003) *Nezemledel'cheskii otkhod krest'yan v stolitsy i ego vliyanie na transformatsiyu kul'turnoi traditsii v 1861–1914 gg.: po materialam Sankt-Peterburga i Moskvyy, Kostromskoi, Tverskoi i Yaroslavskoi gubernii* [Temporary Non-agricultural Employment of Peasants in Capital Cities and its Role in Transforming Cultural Traditions in 1861–1914: Based on Materials from St. Petersburg and Moscow, and from Kostroma, Tver and Yaroslavl Provinces], Kostroma: Izd-vo Kostromskogo gos. technologicheskogo universiteta.
- Smurova O.V. (2006) Vospitanie i obuchenie detey krest'yan-otkhodnikov v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Upbringing and Education of Children in Russia's Peasant Otkhodnik Families (Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries)]. *Pedagogika*, no 2, pp. 96–100.
- Smurova O.V. (2007) Professional'nye gruppy krest'yan-otkhodnikov, rabotavshikh v stolitsakh (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Professional Groups of Peasant-Otkhodniks, Employed in Capital Cities (Second Half of 19th – Beginning of the 20th Century)]. *Nauchnyi vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Scientific Bulletin of the Kostroma State Technological University], no 2, pp. 39–42.
- Smurova O.V. (2008) *Mezhdru gorodom i derevnei (obraz zhizni krest'yanina-otkhodnika vo vtoroi pol. XIX – nach. XX vv.)* [Between City and Village: (Way of Life of a Peasant Otkhodnik in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries)], Kostroma: Izd-vo KGTU.
- Sukhanov N.N. (1913) K kharakteristike rossiiskogo proletariata [Concerning the Description of the Russian Proletariat]. *Sovremennik*, no 4, pp. 320–328.
- Tikhonov B.N. (1978) *Pereseleniya v Rossii vo 2 polovine XIX v.* [Migrations in Russia in the Second Half of Twentieth Century], Moscow: Nauka.
- Trejvish A.I. (2009) *Gorod, rayon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country, and World. Russian Development Through the Eyes of Geographers], Moscow: Novyi khronograf.
- Urry J. (2012) *Sotsiologiya za predelami obshchestva: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology Beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century], Moscow: HSE.
- V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiiskom rynke truda* (2014) [In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labor Market] (eds. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I.), Moscow: HSE.
- Varb E. (1898) *Skitaniya sel'skokhozyajstvennykh rabochikh* [Wanderings of Agricultural Workers], Moscow.
- Varshavskaya E.Ya., Donova I.V. (2013) Neformal'nyi nayom v korporativnom sektore (gde i chem zanyaty te, kogo ne vidno sverkhru) [Informal Employment in the Corporate Sector]. *Mir Rossii*, no 4, pp. 148–173.

- Vedomost' o svidetel'stvakh i biletakh, vydannykh na pravo trgovli i promyslov v ...* [Register of Trade and Craft Certificates and Permits Issued in ...], Saint-Petersburg, Annual Editions, 1881–1887.
- Velikii P.P. (2009) Neotkhodnichestvo, ili lishnie lyudi sovremennoj derevni [Neo-otkhodnichestvo, or Unwanted People of the Contemporary Village]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 9, pp. 44–49.
- Vesin L. (1886) Znachenie otkhozhih promyslov v zhizni russkogo krest'yanstva [Role of External Occupations in the Life of Russian Peasants]. *Delo*, no 7, pp. 102–124.
- Vesin L. (1887) Znachenie otkhozhih promyslov v zhizni russkogo krest'yanstva [Role of External Occupations in the Life of Russian Peasants]. *Delo*, no 2, pp. 102–124.
- Vishnevskii A.G. (1998) *Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [The Sickle and the Rouble: Conservative Modernization in USSR], Moscow: OGI.
- Vladimirskii N.N. (1927) *Otkhod krest'yanstva Kostromskoi gubernii na zarabotki* [Engagement of Peasants from the Kostroma Province in External Wage Earnings], Kostroma, Izdanie Kostromskogo gubstatotdela.
- Vodarskii Ya.E., Istomina E.G. (2004) *Sel'skie kustarnye promysly Evropeiskoi Rossii na rubezhe XIX–XX stoletii* [Rural Handicrafts in the European Part of Russia at the Turn of the 20th Century], Moscow: IRI RAN.
- Volin V.M. (2005) *Neizvestnaya revolyutsiya. 1917–1920 gg.* [The Unknown Revolution. 1917–1920], Moscow: Praksis.
- Vorontsov V.P. (1892) *Progressivnye techeniya v krest'yanskom khozyaistve* [Progressive Trends in Peasant Farming], Saint-Petersburg.
- Zayonchkovskaya Zh.A., Mkrtychyan N.V. (2007) Vnutrennyaya migratsiya v Rossii: pravovaya praktika [Domestic Migration in Russia: Legal Practice]. *Tsentr migratsionnykh issledovaniy, Institut narodnokhozyajstvennogo prognozirovaniya RAN. Seriya «Migratsionnaya situatsiya v regionakh Rossii»* [Center for Migration Studies, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences. Series Migration in Russian Regions], vol. 4, Moscow.
- Zayonchkovskaya Zh.A., Tyuryukanova E.V., Florinskaya Yu.F. (2011) *Trudovaya migratsiya v Rossiyu: kak dvigat'sya dal'she. Seriya spetsial'nykh dokladov* [Labor Migration to Russia: How to Proceed. A Series of Special Reports], Moscow: Maks Press.
- Zhidkevich N.N. (2013) Sotsial'nyi portret sovremennogo otkhodnika nizhegorodskogo Zavolzh'ya [Social Portrait of the Contemporary Otkhodnik of Nizhny Novgorod trans-Volga region]. *Region v period modernizatsii: sotsial'nye instituty. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, 5 aprelya 2013 g.* [Region During the Period of Modernization: Social Institutions. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, April 5, 2013] (ed. Shpilyov D.A.), Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo NISOTS, pp. 118–121.
- Zhidkevich N.N. (2014) Regional'nye razlichiya vnutrennei vozvratnoi trudovoi migratsii [Regional Differences in Returnable Internal Labor Migration]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskij region. Obschestvennye nauki* [News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences], no 1(29), pp. 111–120.
- Zinov'ev A.A. (1998) *Russkaya sud'ba. Ispoved' otschepentsa* [Russian Destiny. Confession of a Renegade], Moscow: Tsentrpoligraf.